

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

ИНВЕСТОР

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Современный российский детектив

Павел Астахов

Инвестор

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астахов П. А.

Инвестор / П. А. Астахов — «Эксмо», 2019 — (Современный
русский детектив)

ISBN 978-5-04-103558-7

История на первый взгляд банальна. Молодая женщина Дарья Шахова попала в беду, и ей срочно понадобились деньги. Она повелась на супервыгодное предложение «Прайм-банка» и отнесла туда все свои сбережения. Несколько милейших людей поступили точно так же. Вскоре деньги всех вкладчиков бесследно исчезли. Как, собственно, и сам банкир. Дарья попросила у адвоката Павлова помощи. Артём сразу почувствовал — Дарья чего-то не договаривает, а ее глаза излучают страх. Глубокий, тщательно замаскированный страх. Искать деньги, украденные мошенником, — последнее дело, но Павлов берется помочь Дарье. Расследование уводит его в темное и мрачное прошлое, которое постепенно срывает маски со всех инвесторов «Прайм-банка». И, словно грязная пена, всплывают жуткие грехи людей, которые кажутся порядочными и добрейшими. Но не столько они беспокоят Артёма, сколько тот невидимый и неуловимый, кто взял на себя роль судьи и палача этих людей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103558-7

© Астахов П. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Поздний посетитель	6
Реанимационное отделение	9
Заказ выполнен	13
Случайная встреча	16
Старые друзья	20
Банкир	23
Незванный гость	26
«Прайм-банк»	30
Нападение	34
Роман Олейник	38
Дурное соседство	40
Недобрый знак	44
Новые тревоги	47
Отвратительный десерт	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Павел Астахов

Инвестор

Возмездие преследует всякого, но догоняет немногих.
М. Эбнер-Эшенбах

Поздний посетитель

13 октября 1998 г., 22.27. Москва.

У ворот частной медицинской клиники «Будь здоров»

По осенней унылой улице ветер кружил пожелтевшие листья. Он делал это весьма вяло, с заметной неохотой, словно домашний кот, которому уже давно осточертела старая игрушка, но он все же продолжал лениво катать ее лапой по полу.

Где-то вдали гроыхнуло. Небо, набухшее влагой, содрогнулось от сухого треска молнии, которая сверкающим ланцетом вспорола сумерки. Зарядил дождь, пятная стылый асфальт темными каплями.

По улице спешил человек, торопливо перебирая ногами. На нем был заношенный мешковатый плащ, измятые брюки и стоптанные туфли, которые так и просились в мастерскую сапожника. Голову мужчины прикрывала кепка, сплюснутая как блин, из-под которой торчали неровно остриженные вихры. Довершала картину густая неряшливая борода. При первом взгляде этот субъект, спешащий куда-то, вызывал ассоциацию с бардом либо вольным художником.

Он завернул за угол, когда вновь пророкотал гром. Холодный дождь словно учуял в грохоте, разрывающем небо, руководство к действию и обрушился на город сплошным ливнем. Пешеход выругался сквозь зубы, втянул голову в мокрый плащ и перешел на бег.

Он остановился у шлагбаума, перевел дыхание и устремил взор в окно будки КПП, на обшарпанной стенке которой тускло мерцала латунная табличка. Надпись, сделанная на ней, извещала всех и каждого о том, что здесь находится коммерческая медицинская клиника под названием «Будь здоров».

За стеклом виднелся дежурный охранник, рыхлый, тучный мужчина лет пятидесяти. Он осовело пялился в газету и не заметил, как человек в плаще пригнулся, проскочил под стрелой шлагбаума и заспешил к главному входу больницы.

Дверь оказалась заперта, и мужчина в плаще нажал на кнопку звонка.

– Ну, давай же, – тихо проговорил он, тщетно пытаясь разглядеть за стеклом хоть какой-то намек на движение.

Его дыхание стало прерывистым, по виску заскользила струйка пота. Он снова утопил кнопку звонка, прислушиваясь к раздражающим трелям, которые, по его твердому убеждению, должны были разбудить кого-нибудь в регистратуре.

– Может, я припозднился? – вслух пробормотал этот человек. – Или частные конторы работают так же, как и библиотеки?

Его палец уже был готов нажать на кнопку звонка в третий раз, как за стеклом мелькнула неясная тень. Темные глаза бородача озарились надеждой.

Заскрежетал замок, скрипнула массивная дверь, и вымокший до нитки посетитель увидел пухлое лицо дежурного врача. Он был грузен, и белый халат сидел на нем, как наволочка на взбитой подушке.

– Вам чего? – не слишком дружелюбно поинтересовался толстяк у позднего гостя, поправляя на голове медицинскую шапочку.

Тип в плаще шмыгнул носом и проговорил:

– Я звонил сегодня. У вас мой родственник.

– Родственник?

– Да, брат, – запинаясь, подтвердил посетитель. – Геннадий Назаров. Он сейчас в реанимации. Его перевели к вам из шестидесят седьмой больницы.

Врач вздохнул и сказал:

– Вашему брату сегодня операцию сделали. А время уже слишком позднее для посещений.

Мужчина в плаще покорно кивнул.

– Мне очень надо.

– Всем всегда что-то надо, – заявил толстяк и зевнул. – Вообще-то не положено.

– Мне сказали, что он впал в кому, – выдавил брат пациента и вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони. – Вы же понимаете. Брат может умереть в любой момент.

Врач с задумчивым видом почесал мясистый подбородок.

– От того, что вы на него посмотрите, лучше ему не станет. Он все равно сейчас без сознания.

– Послушайте, но это ведь коммерческая клиника, – робко проговорил бородач. – Мне казалось, что и условия здесь будут попримечнее, чем в обычных больницах.

Врач кисло улыбнулся, посторонился и пропустил его внутрь.

– Покажите паспорт, – внезапно потребовал толстяк, когда они оказались внутри.

Мужчина в плаще снял кепку, нервно пригладил непослушные вихры. На кончиках волос и усов поблескивали капельки дождя, от обуви на исцарапанном кафеле расплылись небольшие лужицы.

– Паспорт? Хм...

– Конечно. Я должен быть уверен в том, что вы являетесь родственником больного.

Посетитель водрузил кепку обратно и растерянно произнес:

– Вот ведь незадача. Я так спешил, что об этом не подумал. Но у меня есть пропуск на работу. Правда, он без фотографии. – Он заметил, как нахмурился врач, и торопливо добавил: – Меня зовут Андрей Назаров. Вот мой пропуск, посмотрите.

– Не нужен мне ваш пропуск. Как вы прошли через пункт охраны?

– Да разве это так важно? Ну, проскочил, пока охранник отвернулся! – воскликнул мужчина, щеки которого порозовели от волнения. – Я компенсирую вам эту оплошность с паспортом. Так сказать, небольшое вознаграждение за поздний визит, идет? – С этими словами Назаров дрожащей рукой выудил из внутреннего кармана плаща пачку смятых денег.

Он отделил от нее несколько купюр, положил их на стол и уставился на врача, который с каменным выражением лица смотрел на странного гостя.

– Я прошу вас, – взмолился Назаров. – Может, это наша последняя встреча! Сделайте доброе дело, пропустите меня!

– Я не один тут работаю, – обронил эскулап после небольшой паузы.

– Да-да, конечно, я понимаю, – проговорил Назаров, понятиливо закивал и добавил еще три купюры.

Его руки тряслись, и он едва не выронил их на пол.

– Вот, возьмите.

Не меняя выражения лица, врач раскрыл журнал посещений, лежавший на столе, впихнул взятку между страниц и молниеносным движением захлопнул его. В воздух поднялось едва видимое облачко пыли.

С губ Назарова сорвался вздох облегчения.

– Мне на второй этаж? – уточнил он, но толстяк его осадил:

– Не так все быстро. Вас будет сопровождать дежурный.

– Послушайте...

– Или вы думали, что в реанимации дверь нараспашку? Я не могу отпустить вас одного бродить по клинике.

Обойдя стол, врач поднял трубку телефона внутренней связи и набрал какой-то номер.

Потянулись томительные секунды ожидания, было слышно только монотонное гудение флуоресцентных ламп.

Назаров опять снял кепку, нервно потер ее, словно очищая от невидимого пятнышка, после чего вновь нахлобучил на голову. Поджав губы, он с нарастающим раздражением смотрел на врача, который, казалось, застыл каменной глыбой с этой разнесчастной трубкой в руке.

Бородач кашлянул.

Врач забарабанил по столу крупными сосискообразными пальцами, затем вновь набрал номер.

«Да уж. Вот тебе и частная медицина», – подумал Назаров, косясь на ногти работника клиники, обкусанные едва ли не до мяса.

Взгляд бородача переместился на линолеум, истертый до белизны, потом пополз вверх и задержался на гудевшей лампе, которая лихорадочно моргала, словно маяк.

«Никой разницы по сравнению с бесплатной больницей. Разве что очереди нет».

– Дмитрий Олегович? – неожиданно проговорил врач в трубку. – К Назарову посетитель. Ага, брат. Хорошо, понял. – Толстяк с щелканьем впечатал трубку в аппарат, поднял глаза. – Идемте. Халат я вам дам.

Реанимационное отделение

На третьем этаже их встретил врач. Он вытер руки белоснежным полотенцем и внимательно оглядел неряшливого посетителя. В покрасневших от недосыпа глазах доктора мелькнула неясная тень.

– Брат, говорите? – поинтересовался он, аккуратно сложил полотенце и повесил его на кисть левой руки.

В этой позе врач был похож на официанта.

– Да, Геннадий Назаров. Скажите, что с ним?

Реаниматолог бросил многозначительный взгляд на своего плотного коллегу, который провожал Назарова. Толстяк молча кивнул, привычным движением поправил шапочку и бесшумно выскользнул за дверь.

– Брат, – зачем-то повторил врач, вновь повернувшись к бородачу.

– Где он? – спросил Назаров, опять начиная нервничать.

В его глазах, слегка увеличенных линзами очков, причудливым цветком распускалось отчаяние, переплетенное с мучительным страхом за родственника.

– Шапку снимите, – велел врач, двинувшись по коридору.

Назаров безропотно выполнил это указание и молча засеменил следом за доктором. Звук собственных шагов отдавался оглушительным эхом в его ушах.

Врач остановился у двери с табличкой: «Посторонним вход запрещен». Над ней тускло мерцала выпуклая лампа, на которой пульсировало красным: «Отделение реанимации и интенсивной терапии».

– Доктор... – начал было бородач, но врач его перебил:

– Ваш родственник без сознания. Состояние стабильно тяжелое. Сегодня он перенес две операции. Для подстраховки мы подключили его к ИВЛ.

– ИВЛ, – машинально повторил Назаров, словно пробуя эту аббревиатуру на вкус.

– Да, ваш брат на искусственной вентиляции легких, – терпеливо подтвердил врач.

– Он выживет?

– Мы делаем все возможное, – последовал невозмутимый ответ.

«Совершенно стандартный текст в подобных случаях», – зачем-то отметил про себя Назаров.

– Обнадеживать не буду, – продолжал реаниматолог. – Сами понимаете. После открытого перелома черепа говорить о выздоровлении преждевременно. – Он чуть помедлил и добавил: – Подобные травмы люди чаще всего получают в результате избиения. Кстати, он поступил к нам без левой кисти. Определенно, что ампутация произошла совсем недавно. Кому он так насолил?

Назаров вытер пот, выступивший на лбу.

– Видите ли, Геннадий занимался коммерцией, – сбивчиво заговорил он. – Мы с ним давно не виделись, и я только вчера узнал...

– Ладно. По сути, мне не так уж важно, кто и за что это с ним сделал, – снова перебил его врач и как-то равнодушно пожал острыми плечами. – В конце концов, этим должна заниматься милиция. У вас будет пять минут. Хватит?

Назаров глубоко вздохнул и сказал:

– Спасибо.

– Не за что, – сухо отозвался врач.

Бородач вдруг подумал о гравии, шуршащем под ногами. Именно так звучал голос реаниматолога.

С замершим сердцем он смотрел, как тот не глядя, привычным движением пробежался тонкими пальцами по кнопкам кодового замка. Раздался щелчок, и дверь открылась. Назарову совершенно неожиданно пришло в голову, что, как только он переступит порог реанимационной и дверь за ним закроется, его жизнь будет разделена на «до» и «после».

– Ну, что же вы?

Уставший голос врача вывел мужчину из легкого ступора. Он сделал неуверенный шаг вперед и тут же замер, уставился на расплывшуюся пожилую женщину, лежащую на кушетке.

– Не пугайтесь. Соседка вашего брата ведет себя тихо и не доставляет ему никаких неудобств, – с плохо скрытой насмешкой произнес реаниматолог.

Назаров, будто загипнотизированный, продолжал смотреть на старуху. Седые космы женщины рассыпались на плоской подушке и напоминали клочья пыльной паутины. Пепельно-серое лицо изрыто глубокими морщинами, глаза, подернутые катарактой, смотрели в никуда. Одеяло сползло до колен, обнажив туго забинтованный живот пациентки. Кое-где сквозь ткань перевязочного материала проступила кровь. Дряблая грудь и шея утыканы трубками, приклеенными липучками. Одна рука женщины была привязана ремешком от халата к боковой стойке кушетки, вторая же оставалась свободной и вяло комкала простыню.

Назаров не мог отвести глаз от этих изжелта-грязных пальцев. Узловатые и костлявые, они смахивали на когти подышающего грифа.

Врач заметил на полу бинт, которым прежде была привязана рука больной, и недовольно цокнул языком.

– Что же вы, Надежда Ивановна, – мягко проговорил он, поднял бинт с пола и бережно расправил его. – Ни на секунду нельзя вас оставить.

Реаниматолог взглянул на посетителя, который продолжал нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

– Это ее так родной внучок, – спокойно пояснил доктор. – Наркоман. Искромсал ножом родную бабушку так, будто винегрет готовил. Ее в простую больницу отвезли, а там сами знаете какие условия. Повезло, что отец этого звереныша быстро отыскался. Если бы не он, вернее сказать, не кошелек этого нового русского, то она бы еще вчера душу богу отдала.

Назаров судорожно втянул ноздрями острый запах, витавший в реанимационной, и кашлянул. Это была гремучая смесь антисептиков, бинтов, пота и... приближающейся смерти.

Врач заново привязал руку больной к стойке, поднялся и сказал:

– Ваш брат вон там. – Он показал рукой.

Назаров будто очнулся от тревожной дремы и зашаркал к окну, где стояла еще одна кушетка, отгороженная ширмой-перегородкой. На ней в полной неподвижности лежал мужчина, укрытый до самого подбородка одеялом. Назаров плотно сжал губы, увидев лицо, распухшее от кровоподтеков. Лилово-черное, перекошенное, оно вызывало оторопь и даже отвращение. Голова забинтована через подбородок, глаза закрыты. Из раззявленного рта тянулась интубационная трубка.

Назаров моргнул, словно не веря собственным глазам. Монотонное пиканье кардиомонитора тонкими иголочками впивалось в барабанные перепонки.

– Я выйду на пару минут, – послышался голос доктора. – Поторопитесь. Больному нужен покой и тишина.

– А почему его не привязали? – вырвалось у Назарова.

Он приподнял край одеяла, заметил укороченную культю и вздохнул.

– Потому что он в глубоком наркозе, – объяснил реаниматолог. – И еще долго будет пребывать в таком состоянии. Не задерживайтесь. – С этими словами он вышел из реанимационной и закрыл за собой дверь.

Назаров улыбнулся. Улыбка эта вышла напряженной, словно кто-то невидимый растянул его рот, бесцеремонно сунув пальцы в уголки губ.

– Покой и тишина, – прошептал он, прошел к двери и вытащил из плотного конверта, приклеенного к ней, две карточки.

«Пономарева Надежда Ивановна, – про себя прочел он, посмотрел на следующую, и морщины на его лбу разгладились. – Конечно. Все совпадает. Покой и тишина. Назаров Геннадий Игоревич, он самый и есть».

Бородач вложил карточки обратно в конверт, подошел к кушетке, бросил взгляд на стол, стоявший у окна. Ларингоскоп, анестезиологические щипцы, хирургические электроотсасыватели, шприц, инъекционные иглы – все это было свалено в беспорядочную кучу.

Назаров поджал губы, бросил испытующий взгляд на изуродованное лицо человека, лежащего на кушетке.

– Ничего этого тебе уже не нужно. Привет, братик, – шепнул он.

Бородач посмотрел на капельницу, висевшую у головы пациента, затем глянул на кардиомонитор, по черному экрану которого плавно скользили зигзагообразные линии. После этого взор посетителя остановился на внутривенном катетере, который торчал из запястья брата.

Назаров склонился над неподвижным телом, ногтем указательного пальца открыл колпачок инъекционного порта. После этого он расстегнул молнию на боковом кармане плаща, извлек оттуда небольшой сверток из марли. Внутри была бледно-зеленая перчатка из мягкой резины и крошечный пузырек из матового стекла. Бородач отвинтил крышку, уже собирався было влить содержимое флакона в инъекционный порт катетера, как внезапно оглянулся.

Ширма-перегородка стояла так, что он прекрасно видел старуху, привязанную к кушетке. Пожилая пациентка невидяще пялилась в потолок, ее желтые пальцы-когти инстинктивно сжимались и разжимались, как если бы она пыталась что-то ухватить. Из глотки вырывались клочущие звуки.

«Это не свидетель», – шепнул внутренний голос, но Назаров уже и сам понял это.

Когда полупрозрачная жидкость пузырька перекечевала в кровь человека, спящего под наркозом, он закрыл колпачок катетера. После этого бородач торопливо натянул перчатку на правую руку и ухватился за интубационную трубу, торчащую изо рта брата.

«Этих капель хватит, чтобы убить слона», – вновь заговорил внутренний голос, но Назаров мотнул головой так, словно прогонял назойливого комара.

«Капли – это, разумеется, хорошо. Но ведь никто не отменял контрольный выстрел. Так будет куда спокойней», – пронеслась мысль у него в голове.

Он начал осторожно вытаскивать трубку наружу. На пластиковой поверхности блеснули сгустки слизи, оставленные трахеей. В воздухе, и без того спертом, поплыл зловонный запах.

Еще немного.

Еще.

Пиканье, ритмично повторяющееся до этого момента, которое доносилось из аппарата ИВЛ, внезапно сбилось. Назарову стало жарко, влажная от пота рубашка приклеилась к разгоряченному телу.

Еще немного.

Назаров вздрогнул, когда показался конец трубки. Он медленно повернул голову в сторону монитора. Зигзаги исчезли. Теперь по экрану лениво тянулась ровная линия, делящая его пополам, бесконечная и скучная.

Бородач аккуратно вставил трубку обратно в глотку псевдобрата и принялся осторожно проталкивать ее вглубь. Ровно до того уровня, где она была до его прихода. После этого он быстро стянул перчатку и сунул ее в карман брюк.

– Пока, братик, – чуть слышно промолвил этот тип, пряча туда же опустевший пузырек. – Ничего личного. Такие времена, Гена.

Он убедился в том, что не оставил за собой никаких следов, вытер лоб и двинулся к двери. Там бородач остановился и обернулся к старухе. Она как заведенная продолжала исступленно сжимать пальцы, хрипела и булькала, словно закипающий чайник. Ее слепые безжизненные глаза таращились в прогорклую пустоту.

– Выздоровливай, бабуля, – вполголоса проговорил Назаров, ухмыльнулся и добавил: – Хотя я лично в этом сомневаюсь.

Он вышел из реанимационной и огляделся по сторонам. Худощавого врача нигде не было.

Заказ выполнен

Бородач быстро спустился на первый этаж.

Дежурный врач, встретивший его полчасом ранее, дремал на стуле, положив рыхлое лицо на руки, сложенные крест-накрест. На пухлых губах блестела слюна. Журнал, в котором были спрятаны деньги, лежал рядом.

Улыбнувшись краем рта, Назаров поднял его двумя руками за обложку и потряс в воздухе. Тихо зашелестели бледно-желтые страницы. Оттуда ничего не выпало.

На его лице появилось удовлетворенное выражение. Конечно, деньги решают все.

Он вернул журнал на место, снял халат, положил его на потертый диван, стоявший у выхода.

– Спокойно ночи, – тихо проговорил Назаров, подмигнув спящему толстяку.

Ключ был в замке входной двери, и он без каких-либо затруднений покинул клинику.

Дождь почти прекратился, превратился в редкую морось. Назаров обогнул угол, прошел сотню метров и завернул во двор. У гаража-«ракушки» была припаркована «девятка» цвета «мокрый асфальт». Оглядевшись по сторонам, он открыл дверь и плюхнулся на заднее сиденье.

– Наконец-то, – пробасил парень лет двадцати пяти, сидевший за рулем автомобиля. У него было спортивное телосложение, на голове короткий «ежик», сквозь который просвечивал широкий рубец.

– А мы уже думали, что накрыли мусора нашего Колю.

– Не дождетесь, – хмуро отозвался фальшивый Назаров, с шумом захлопывая дверь.

Водитель повернул ключ зажигания, и проснувшийся мотор послушно заурчал.

– Как все прошло, родной? – осведомился пассажир, развалившийся на заднем сиденье.

Характерный акцент, зачесанные назад густые черные волосы и крючковатый нос выдавали в нем кавказца. Молодой человек выглядел благодушно, почти умиротворенно, но в колючих глазах, буровивших убийцу, мелькали хищные огоньки.

– Все нормально, – отрывисто бросил Назаров.

Он резким движением сорвал с головы растрепанный парик. За ним последовала наклеенная борода с усами.

– Чувствую себя Фантомасом, едрить-колотить.

– Не нервничай, – сказал кавказец, зашуршал пакетом, вынул из него бутылку. – Выпей. Старый добрый «Распутин». Подмигивает обоими глазами после литра. – Он открыл пробку и протянул водку убийце.

Назаров чуть помедлил, взял бутылку, сделал судорожный глоток, закашлялся, шумно выдохнул и вытер губы.

Спортсмен и его черноволосый приятель беспечно рассмеялись.

– Ты вот что учти, Джафар, – сказал, отдышавшись, Назаров, брезгливо снял очки, моргнул несколько раз. – В таких делах я участвую в последний раз. Нанимай для подобных пако-стей других ребят.

Джафар хмыкнул, убрал парик с накладной бородой в пакет. Туда же отправились и очки.

– Это касалось только нас, братишка, – напомнил он. – Незачем впутывать сюда посторонних людей. Сечешь?

Назаров промолчал.

– К тому же я списал с тебя весь долг, – продолжал Джафар. – А сумма-то была ой какая немалая! Как ты собирался со мной расплачиваться? А я бы не сегодня-завтра счетчик врубил. Тебе лафа подвалила, радоваться надо халтуре! Делов-то – отрубить воздух этой падали. Ты точно уверен, что сученыш сдох?

Назаров вспомнил лицо своего клиента – страшное, багровое, распухшее, как у мертвеца, и по спине его заскользил ледяной ручей.

– Я видел монитор с прямой линией, – ответил он. – Для верности еще в вену капнул одно средство.

Джафар насторожился и осведомился:

– При вскрытии не всплывет?

Убийца покачал головой и ответил:

– При попадании этого яда в кровь просто останавливается сердце.

– Лады. Сережа!.. – позвал Джафар.

Спортсмен повернулся и протянул Назарову конверт.

– Это премия, братан, – пояснил Джафар, глядя, как сообщник забирает деньги. – Так что ты в плюсе. И долг закрыл, и сверху заработал. Да еще всю нашу команду от бешеного шакала освободил. А то он покусал бы кого-нибудь ненароком.

– Я не убийца, – безмерно уставшим голосом проговорил Назаров.

– Ага, – с серьезной миной подтвердил Сергей. – Но деньги взял.

Он и Джафар вновь зашлись холодным, безрадостным смехом.

– Держи, – сказал Назаров, протягивая азербайджанцу замусоленный пропуск, который демонстрировал дежурному врачу. – Никогда не работал в этом гребаном НИИ и не собираюсь.

– Оставь на память, – предложил Джафар, но тот качнул головой и положил пропуск на сиденье.

На минуту в машине воцарилось молчание. Слышалось только монотонное тарахтение мотора.

Назаров возился с плащом, избавился от него и облачился в кожаную куртку.

– Съезди отдохни, братан, – прервал паузу Джафар.

Он не сводил пристального взгляда с зажигалки, которую ловко вертел между пальцами.

– Там хватит на многое. А через месяц встретимся. Дело одно намечается. Сразу оговорюсь, не мокруха.

– Разберемся. Ну все, пока, – бросил Назаров.

Было явно видно, что ему не терпелось покинуть машину, тем более когда в кармане покоился конверт с деньгами. Он обменялся рукопожатиями с мужчинами, вышел из машины и быстро зашагал прочь.

Джафар вынул из нагрудного кармана пиджака пачку сигарет.

– Что думаешь, Сережа? – прикурив, спросил он.

– А нечего тут думать, – буркнул спортсмен. – Завтра звякну в регистратуру. Клиент мертв – тема закрыта. Клиент жив – действуем по плану «Б». Только тогда и нашего киллера обделавшегося придется за жабры брать. Но я все-таки уверен в том, что все в ажуре.

– Будем надеяться, – сказал Джафар, приоткрыл окно и выпустил в промозглый осенний воздух струйку дыма. – Я о другом подумал.

– Ну?

– Этот дурачок сначала в обычной больнице лежал. А потом вдруг его резко перевезли в частную лавочку. Здесь каждые сутки денег стоят, Сережа. И немалых.

– Хочешь сказать, что у нашего клиента их не могло быть? – осведомился спортсмен и сощурился.

– Ты верно мыслишь, – сказал Джафар, высунул руку в окно и щелчком ногтя стряхнул пепел с тлеющей сигареты. – Кто-то за него заплатил. Сечешь?

Сергей пожал плечами. Ему было все равно, по чьей инициативе их недруг, оказавшийся в черном списке, был переведен из простой больницы в коммерческую клинику. Главное в том, что работа сделана, причем чисто.

– Сейчас-то какая разница, Джафар, – сказал он. – Вопрос решен. Впереди много новых и интересных дел.

Азербайджанец выбросил недокуренную сигарету, закрыл окно и сказал:

– Ладно, поехали в кабак. Пташки заждались.

«Девятка» вырулила со двора, развернулась и покатила по ночной улице.

Случайная встреча

11 июня 2019 г., Москва

– Останови здесь, – попросил Павлов.

Шамиль согласно кивнул и включил поворотник. Глянцево-синий «Фольксваген Тигуан» взял вправо и мягко припарковался за автобусной остановкой.

– Я бы тебя подвез до твоей конторы, Тема, – сказал Шамиль извиняющимся тоном. – Но мне в Домодедово надо, сестру с племянницей встречать. Я и так уже опаздываю.

– Все в порядке, – отозвался адвокат. – Завтра из сервиса своего «коня» заберу. А вообще полезно ходить пешком.

Они пожали друг руку руки, и Артем уже намеревался выйти из автомобиля, как Шамиль позвал друга.

– По возможности ничего не планируй на начало августа, – сказал он и заговорщически подмигнул Павлову. – Есть у меня сюрприз один. Сделай себе пометку на календаре в своем кабинете.

Артем улыбнулся и произнес:

– Хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Мы с тобой, Шамиль, конечно, стараемся жить по определенному режиму, но кто его знает. Посмотрим.

– Ну, бывай.

– Давай, на связи.

Шамиль взял под козырек, и машина резво тронулась с места.

Проводив взглядом укатившего приятеля, Артем достал смартфон. Ходьба пешком, разумеется, полезна, но если сейчас он двинется на работу на своих двоих, то при лучшем раскладе будет у дверей коллегии к обеду. В списке контактов он нашел номер таксомоторной службы и нажал на вызов, однако буквально через мгновение почувствовал резкий толчок в левое бедро. От неожиданности смартфон выскользнул из его руки. Сам он с трудом удержался на ногах и сумел в последнюю секунду отскочить в сторону.

«Тойота», вырливающая из узкого проезда, дернулась и заглохла, словно споткнулась о невидимую стену. Заднее колесо иномарки замерло в нескольких сантиметрах от телефона, выроненного адвокатом.

Хлопнула дверь, из салона «Тойоты» вылетела женщина, жутко напуганная, с расширенными от испуга глазами. Она кинулась было к адвокату, но увидела, как тот спокойно подобрал с асфальта мобильник, и отпрянула от него.

– Господи... – залепетала женщина. – Простите, пожалуйста! Вы не пострадали?!

Артем внимательно осмотрел телефон. К счастью, на нем не было никаких сколов или трещин. Он глянул на автоледи, которая вжала голову в плечи и смотрела на него, словно кролик на удава.

– Пациент скорее жив, чем мертв, – сказал Павлов мягко, тут же увидел, что шутка не удалась, и добавил: – Все нормально. Зазевался я, глядя в телефон.

– Я вас не заметила, простите.

– Говорю же, все в порядке, – уверил женщину Артем.

Послышался пронзительный звук клаксона. Павлов оглянулся и увидел запыленный «Соболь», водитель которого возмущенно жал на гудок. Заглохшая иномарка автоледи загораживала ему дорогу.

– Мы создаем пробку, – заметил Артем.

– Я вас подвезу, – предложила женщина, быстро пришедшая в себя. – Не возражайте. Хоть какая-то компенсация за мою невнимательность.

Артем чуть помедлил ради приличия и согласился.

– Вы куда направлялись? – осведомилась она, поворачивая ключ в замке зажигания.

– В район Кузнецкого моста, – ответил адвокат, устроившись на переднем сиденье.

«Тойота» осторожно выкатила вперед, освободив место для проезда «Соболя».

– Не вопрос, – согласилась автоледи, хотела было сказать что-то еще, но вздрогнула и устала на Артема.

– Вам лучше смотреть вперед, иначе мы влетим в столб, – спокойно произнес Павлов, и женщина сосредоточилась на дороге.

– Послушайте, я, конечно, могу ошибаться, – после короткой паузы проговорила она. – Вы, случаем, не тот самый адвокат? Артем Павлов?

– Случаем. – Он улыбнулся.

– Ну и ну! – Она выдохнула с потрясенным видом. – Бывает же такое. Я, наверное, должна пойти в церковь и помолиться за то, что с вами все в порядке. Иначе от меня в суде рожки да ножки остались бы.

– Перестаньте. Во-первых, посещать церковь можно и даже нужно по другим поводам. А во-вторых, инцидент исчерпан, все живы и здоровы. Или вы полагаете, что публичная персона обязательно должна быть мстительной, жаждущей крови?

– Это просто весьма неожиданно. Меня, кстати, Дарьей зовут. Дарья Шахова.

– Вот и познакомились.

– Расскажу подругам, не поверят, – призналась Дарья.

– Ну почему же? В жизни всякое случается, – отозвался Артем. – Конечно, будь я за рулем, вероятность нашей встречи существенно уменьшилась бы. Если, конечно, вы не зацепили бы мой автомобиль бампером.

– Ценю ваш тонкий юмор. Хотя на самом деле я неплохой водитель, – проговорила она. – У меня стаж одиннадцать лет, и ни одной аварии. Вот только сегодня прямо затмение какое-то нашло.

– Вас что-то тревожит? – внезапно спросил Павлов.

Дарья смутилась, ее щеки вспыхнули.

– С чего вы взяли?

– Об этом совсем нетрудно догадаться. Достаточно взглянуть на ваши пальцы. Может, именно ваше душевное состояние повлияло на внимательность? Тогда, на выезде?

Дарья перевела взор на руки, которые нервно стискивали рулевое колесо.

– Есть негласное правило водителей, – размеренным голосом продолжал Артем. – Руль нужно держать, словно птицу. Сожмешь сильно – она погибнет. Будешь держать слабо – улетит. Особенно это касается мотоциклистов.

С губ Дарьи сорвался глубокий вздох.

– У всех есть проблемы и трудности, – медленно проговорила она. – Неужели вам и в самом деле интересны проблемы незнакомой женщины, которая вас чуть не задавила минуту назад?

Артем посмотрел на нее. Невысокая ухоженная шатенка со стройной фигурой, возраст которой приближался к сорока. Густые волнистые волосы обрамляли миловидное лицо с чувственными губами. Однако бледный цвет кожи и тревога, прячущаяся в глубоких темных глазах, лишний раз подтверждали предположение Павлова о том, что его случайную знакомую что-то тяготит, причем сильно.

– Именно поэтому мне интересно узнать, что вам не дает покоя. Кстати, у вас ссадина на брови, – заметил он. – Довольно свежая, судя по всему – вчерашняя. Вы уж извините, что я читаю вас, будто книгу.

Дарья горько усмехнулась.

– Я никогда не умела притворяться. Что касается ссадины. Когда я выходила замуж, мне и в голову не могло прийти, что наш брак накроется медным тазом. А уж тем более что мой

бывший супруг в качестве аргументов станет использовать кулаки. Никак не можем поделить двушку, в которой я живу сейчас с сыном. Ему восемь лет, но отца он нисколько не интересуется. Я уж молчу про алименты.

Лоб Дарьи прорезали морщины, слишком глубокие для ее возраста. Было видно, что она едва сдерживается, чтобы не дать волю эмоциям.

– Любые мои попытки разрулить конфликт воспринимаются в штыки, – после секундной паузы продолжила она. – Я готова взять все расходы по размену жилья на себя, но этот человек, уже давно мне чужой, ставит заранее невыполнимые условия. А вчера разговор вообще перешел в потасовку. Хорошо, что сын не был свидетелем этой отвратительной сцены.

– Дарья, это все решаемо, – сказал Артем. – Алименты взыскиваются по решению суда, с учетом всех просрочек. Если ваш бывший супруг не имеет постоянной работы, то нормы Семейного кодекса все равно не освобождают его от обязанности выплачивать алименты. В таком случае ему будет назначена фиксированная сумма ежемесячных выплат, определенная в зависимости от всех обстоятельств. Далее начнется работа судебных приставов, которые должны взыскивать алименты. Это в том случае, если ваш муж откажется делать это добровольно. Сейчас он живет отдельно?

– Да. Ему в наследство досталась квартира от брата, который недавно умер. А эту двушку, в которой сейчас проживаю я с сыном, мы приобрели в период брака.

– То есть это ваше общее имущество, – подчеркнул Артем. – При отсутствии взаимного согласия вопрос дележа квартиры также рассматривается судом.

– Это все чудесно, – сказала Дарья. – Но, поверьте, на суды у меня попросту нет времени. Я едва управляюсь на работе, а потом несусь домой, к сыну. Судебные издержки опять же.

– Это единственный цивилизованный выход, когда стороны не могут договориться между собой, – пояснил Павлов. – Да, и что касается рукоприкладства. Надеюсь, вы сообщили о происшедшем инциденте в полицию?

– Сообщала. Только ранее, месяц назад. Пришел участковый, почесал под мышкой, побряхтел да и ушел. Напоследок бросил, мол, вас же не покалечили, сами как-нибудь договоритесь.

– А вы все никак, – подхватил Павлов. – Сегодня он ударил вас в глаз, а завтра напьется и придет с прутком арматуры. Не пугайтесь, – сказал он, заметив, как его случайная знакомая вздрогнула. – В силу опыта и многолетней практики я повидал многое. К сожалению, подобные конфликты часто заканчивались весьма и весьма плачевно. В вашем случае участковый проявил халатность, а это уголовно наказуемо. Он должен понимать, что совершает преступление, не реагируя должным образом на действия вашего несдержанного супруга. В системе МВД существует подразделение собственной безопасности, куда можно обратиться с жалобой на нерадивого сотрудника. Есть телефоны доверия, прокуратура, наконец. Вам нужно было зафиксировать побои в медицинском учреждении, а также привлечь свидетелей, которые подтвердили бы, что у вас с бывшим мужем неприязненные отношения и он применяет к вам физическое насилие. Надо бороться, Дарья.

– Что я и делала за полчаса до нашей встречи, – сказала она, убирая с лица прядь волос. – Только это, скажем так, борьба в несколько иной плоскости.

– Да? Интересно.

– Да, собственно, ничего особенного, – сказала Дарья и улыбнулась. – Рассказывать, так уж до конца. Нет худа без добра, как говорится. В общем, когда началась вся эта катавасия с жильем, я поняла, что нужно как-то действовать на опережение. Ипотеку я сейчас вряд ли потяну, но решила рискнуть, по рекомендации вложила некоторую сумму в один банк. Почитала отзывы, погуглила в Интернете. Негатива почти нет. Я всегда сторонилась банков, которые соблазняют клиентов большими ставками, но в данном случае все прошло гладко. В этом банке проценты гораздо выше, чем в других. Кроме того, банк может скупать акции и ценные

бумаги. Это тоже дополнительный доход, и им можно распорядиться, не ожидая, когда выйдет срок по депозиту.

На лице Артема отразилось сомнение.

– Дарья, вспомните небезызвестного Мавроди и МММ, детище девяностых годов. Высокие проценты должны насторожить вас. Легких денег не бывает.

– Но ведь вклады застрахованы.

– Да. Только не стоит забывать, что ключевым моментом страховых выплат является лимит, который установлен государством, – объяснил Павлов. – Это миллион четыреста тысяч рублей. Если сумма вклада выше, то возврат разницы при банкротстве банка будет сопряжен с множеством проблем. Кстати, мы почти приехали. Будьте любезны, притормозите.

Дарья аккуратно припарковала автомобиль рядом с подземным переходом.

– Спасибо, что подвезли, – проговорил Артем.

– Не за что. Это вам спасибо. – Дарья покраснела. – Вы уж извините за откровенность, но я не ожидала, что в реальной жизни вы выглядите совершенно иначе, нежели на экране, да и вообще в СМИ. То есть... гм... – Она запнулась, лихорадочно пытаясь подобрать нужные слова. – Мне казалось, что люди вашего ранга не ходят просто вот так по улицам. В общем, в вас нет никакой раздражающей звездности. Возьмите, пожалуйста. – Дарья протянула адвокату визитку. – У меня небольшая турфирма. Буду очень рада оказаться полезной вам.

– С удовольствием, – сказал Павлов, вынимая из внутреннего кармана пиджака кожаную визитницу. – Возьмите и вы мою. Удачи вам в решении всех вопросов, Даша. – Он попрощался с ней и быстро зашагал в сторону перекрестка.

Дарья скользнула взглядом по визитке известного юриста и убрала ее в сумочку. Лишь тронувшись в путь, она поймала себя на мысли о том, что в конце разговора Павлов назвал ее Дашей. Почему-то при этом внутри разлилось тепло, а на губах появилась улыбка.

«Все решается», – вспомнила она слова адвоката и посмотрела на свои пальцы.

Они уже не подрагивали, спокойно лежали на рулевом колесе.

Старые друзья

У ресторана «Персия» остановился кипенно-белый «Хаммер». На капоте внедорожника сверкала искусно выполненная аэрография в виде оскаленной морды снежного барса. Задняя дверь открылась.

Из машины выбрался грузный мужчина лет пятидесяти. Несмотря на жару, душным маревом накрывшую столицу, этот кавказец был облачен в костюм-тройку, сверкающий белизной. Его пухлая рука держала дипломат из светло-бежевой кожи. Рыхлый живот тяжело нависал над ремнем, колыхался, словно тающее желе. Бульдожьи мясистые щеки болтались, как пакеты, наполненные водой.

Кавказец вытер пот, градом катившийся по загорелому лбу, переложил дипломат в другую руку.

– У тебя есть пара часов, – сказал он водителю. – Если что, я тебя наберу.

Тот послушно кивнул.

– Конечно, Джафар Закирович.

«Хаммер» укатил.

Джафар вынул из нагрудного кармана белоснежный платок, промокнул им лоб.

– Гребаная московская жара! – буркнул он вслух, входя в ресторан.

К нему тут же метнулся вертлявый официант, подобострастно склонил голову.

– Добрый день!

– Привет, – бросил Джафар и с облегчением выдохнул.

Зал восточного ресторана, погруженный в мягкий полумрак, встретил его приятной прохладой кондиционера и негромкой музыкой.

– Меня здесь ждет приятель.

– Конечно-конечно. – Официант улыбнулся. – Пожалуйста, на второй этаж. Там вам зарезервирован столик.

Джафар с криком поднялся по лестнице, закрутил головой, увидел знакомого мужчину и двинулся к нему.

– Здравствуй, дорогой, – переведя дыхание, произнес он, поставил дипломат на пол и раскрыл свои медвежьи объятия.

– Привет, старик, – улыбнулся тот, обнимая азербайджанца. – Давно не виделись. Как ты? Устал с дороги?

– Не то слово, Сережа, – прохрипел Джафар и плюхнулся на диван, щедро обложенный цветастыми подушками и валиками. – А тут еще эта жара! Не обижайся, но имел я это пекло в одно место.

Сергей рассмеялся.

– Старик, ты бы еще шубу надел.

– Я в Баку в этом костюме ходил, и ничего, – возразил Джафар.

Сергей пожал плечами и произнес:

– Ты там родился, поэтому морально готов перенести местную духоту. Как говорят, каждая лягушка свой пруд хвалит.

Азербайджанец ослабил узел жемчужно-серебристого галстука, бросил взгляд на стол, где, кроме начатого стакана с водой и салфеток с зубочистками, ничего не было.

– Ты заказ уже сделал? – спросил он.

– Обижаешь. Как только ты отзвонился из аэропорта, я уже тут был. Плов, табули, текка-кебаб, ливанский салатик, баклажанчики на углях. Ах, да, помню, ты любитель морепродуктов. Салат из тигровых креветок сойдет?

Широкое лицо Джафара расплылось в улыбке.

- Ты молодец, уважил друга. Помнишь мои предпочтения.
- И вискарик, чтобы это все запить. Как насчет пятнадцатилетнего «Дэлмора»?
- Самое оно, – заявил Джафар.
- Ну и отлично.

Азербайджанец внимательно посмотрел на приятеля. Русые волосы Сергея заметно пореди, на голове у него проступала обширная плешь, отчего громадный шрам стал еще более заметен. Лицо слегка измято, от уголков глаз расползлась паутинка морщин, на подбородке щетинились белые волоски, напоминающие серебристые иголки. В отличие от лица тело его давнего друга было крепким, без единого грамма жира. Оно напоминало наконечник копья, обожженный на огне.

– Жизнь тебя потрепала, но ты хорошо выглядишь, брат, – заметил Джафар. – Разве что волосы растерял.

Сергей погладил лысину и проговорил:

– Это мудрость протоптала свою широкую тропинку. А вот тебе, дружище, не мешало бы похудеть.

Джафар похлопал себя по рыхлому брюху и заявил:

– У тебя тропинка мудрости, а у меня амортизатор любви.

Они рассмеялись.

Через мгновение официант принес им виски и пару охлажденных бокалов. За этим последовал и заказ, ловко и вместе с тем аккуратно выставленный на стол, накрытый скатертью с золотистыми узорами.

После первого тоста Джафар накинудся на еду, принялся стремительно поглощать мясо ягненка.

– Я тут недавно девяностые вспоминал, – проговорил Сергей, подцепил вилкой креветку, окунул ее в соевый соус и отправил в рот. – Вот ведь житуха была, да? Сколько куролесили, по лезвию бритвы едва ли не каждый день ходили. И как еще старуха с косой мимо нас прошла, Джафар?! Такие вещи проворачивали!

– Было дело, – прочавкал Джафар с набитым ртом. – Везло нам, чего тут говорить. Сейчас совсем другие времена. Со стволом к фирмачу не сунешься. Все по закону, под крышей мусоров.

– Ага. Ты строительными рынками ворочаешь, а у меня хорошее кресло в «Ойл-Корпорейшн», – с усмешкой проговорил Сергей. – Ну что, по второй? За родителей.

– Ты что-нибудь про Колю Коршунова знаешь? – задал вопрос Джафар, когда они выпили.

– Это тот, что тогда с нами был?

– Ну да. Он еще Генке Назарову пропуск на тот свет выписал. Помнишь Гену? Въедливый хмырь был, все нам палки в колеса вставлял.

– Помню, конечно. Ему Коля кислород в больнице перекрыл. Он сейчас в Питере, Джафар. Руководит какой-то боксерской ассоциацией, бои организует. Неплохо устроился. Мы с ним изредка пересекаемся.

– Надо будет как-нибудь всем нам увидаться, – думая о чем-то своем, проговорил азербайджанец.

Он отодвинул от себя опустевшую тарелку, где еще недавно дымилось мясо, и уже неспешно приступил к плову.

– Обязательно, – сказал Сергей, разливая по бокалам виски.

– Давай теперь о наших шкурных делах поговорим. Как там Банкир? – полюбопытствовал Джафар, тут же рыгнул и вытер салфеткой губы, лоснящиеся от жира.

– Ты же сам видишь, что мы с него каждый месяц навар имеем, – ответил Сергей и самодовольно ухмыльнулся. – Боюсь сглазить, но дела у парня в гору идут. Уж не знаю, на каких

биржах и фондах он наши деньги крутит, но проценты капают в геометрической прогрессии. В последний раз я прибыль в акции своей компании вложил. Он, то есть Банкир, на связь на неделе вышел, сказал, что есть еще одно выгодное предложение.

Джафар отщипнул кусочек лаваша, закинул его в рот, задумчиво пожевал и произнес:

– Если ты о предложении скинуться по триста тысяч зеленых, то это для меня не новость.

– И что тебя смущает? Не вижу блеска в глазах! – воскликнул Сергей. – Мы с тобой Банкира лет двадцать знаем. Такие схемы прокручивал, ни одна налоговая подступиться не могла. Он надежный парень, Джафар.

– Он-то, может, и надежный, – медленно проговорил азербайджанец. – Только не все от человека зависит, каким бы профи в своем деле он ни был. Деньги любят тишину, Сережа. На банковские дела влияют сотни нюансов – политика, курс бакса, уровень жизни и прочая галиматья. А Банкир какой-то уж слишком суетливый стал. Нервный. Не нравится мне это, кажется, что он куда-то спешит. Ты так не думаешь? Мол, нахапаю, обдеру всех как липку, а потом исчезну. Иди ищи его на Мальдивах.

Сергей хохотнул.

– Он не посмеет, – произнес он, и улыбка исчезла с его лица. – Все мы сейчас уважаемые и законопослушные люди. Однако Банкир прекрасно понимает, чем для него может закончиться подобное кидалово.

– Я не люблю суеты, – повторил Джафар. – В том, что касается хорошей прибыли, нельзя торопиться. Как в пословице, спешка нужна при ловле блох. Если мне не изменяет память, с Банкиром у нас все на доверии. Вот скажи честно, ты внимательно читал те бумаги, которые он нам с тобой подсовывал?

Сергей пожал плечами и промолчал.

– Я – нет, – сам себе ответил азербайджанец, налил в чашку ароматного чая, прищурился, сделал осторожный глоток, немного помедлил и добавил: – Мне сон в самолете нехороший приснился, Сережа.

Тот поджал губы.

– Ну, не тяни, – резковато произнес он, видя, как Джафар таращится в стену.

На ней были развешаны бутафорские ятаганы и шамширы, кривые персидские шашки, распространенные на Среднем Востоке.

– Мне приснилось, что накрыли нас всех, брат, – приглушенным голосом сказал Джафар. – Изловили, как крыс. И каждый из нас ответил за свои грехи. Никто ничего не смог скрыть, все дерьмо наружу всплыло.

– Ох, Джафар, зря ты так. Я пока что никаких проблем не вижу. У тебя и у меня хороший бизнес, дружные семьи, деньги в надежном банке. Это на тебя перелет из Баку так подействовал. Забудь о своих нехороших снах. Давай лучше выпьем. У меня родился шикарный восточный тост. Ты такие любишь.

Банкир

Пикнул гудок кодового замка, и из подъезда монолитной многоэтажки вышел невысокий худощавый мужчина. На нем были потертые джинсы и гавайская рубашка, пестревшая пальмами и белоснежными чайками. Высокие скулы, аккуратная бородка-испанка и загорелая кожа делали его похожим на выходца из Латинской Америки. Жидкие волосы с заметной проседью были стянуты в короткий хвост. В одной руке мужчина держал пачку сигарет, на указательном пальце второй безмятежно крутилась связка ключей.

Он молча кивнул в знак приветствия охраннику, томившемуся в тесной будке, прошел мимо шлагбаума, остановился и принялся осматриваться по сторонам. Услышав пронзительный сигнал клаксона, этот человек вздрогнул и едва не выронил ключи.

Сигнал долетал от «Ауди». Эта машина стояла невдалеке и поблескивала кроваво-алым гляncем в лучах предзакатного солнца. Мужчина вынул сигарету из пачки, сунул в рот, прикурил и зашагал к ней.

Он остановился у капота иномарки, прищурился, пристально взгляделся в водителя. Тот махнул рукой, предлагая ему сесть в салон.

– Рад тебя видеть, Николай, – сказал длинноволосый мужчина, открыл дверь и уселся на переднее сиденье, кожа на котором мягко скрипнула. – Ничего, что я с сигаретой?

– Привет. Ничего, – отрывисто произнес водитель. – Кури на здоровье, Олеж.

Он был одет в камуфляжные штаны и просторную толстовку с капюшоном. На груди щерилась морда бульдога в ошейнике с шипами. В отличие от своего собеседника владелец иномарки был выбрит практически под ноль. Глаза его закрывали солнцезащитные очки, во рту лениво перекачивалась жевательная резинка. Ее мятный запах тут же смешался с сигаретным дымом.

– Давно не виделись, – снова сказал мужчина, которого владелец авто назвал Олежей. – Мог бы и в гости заглянуть. Есть хорошая травка.

Он протянул руку Николаю, и тот пожал ее с таким видом, словно ему подсунули испорченную колбасу.

– Дела, – процедил он. – Чисто случайно выбрался, а тут повод представился. А с наркотой я завязал еще лет пятнадцать назад.

– Как там Питер? – осведомился Олег, высунул руку в окно и стряхнул пепел с сигареты.

– Пока стоит.

– Видел тебя тут по ящику. Точнее, бой твоих парней. Ты на заднем плане мелькал. Хорошее сражение! Смотрю, у вас там, в спорте, все серьезно.

– Не то слово, – подтвердил Николай. – Не хочешь кости размять и поучаствовать в спарринге? Судя по тебе, ты спорт только по ящику и видишь.

Олег визгливо рассмеялся, но Николай даже не улыбнулся.

– Хочешь, чтобы меня потом с ринга совочками отскребали? – вдоволь нахохотавшись, спросил Олег. – Нет, твоим бойцам я не ровня. Ладно, что случилось, дружище? Извини, я не был готов к встрече. Меня ждут.

– Ничего, подождут. Ты обещал навар, Олеж, – глядя перед собой, сказал Николай. – Я не вникаю в твои денежные махинации, не в курсе, как и где ты крутишь мои бабки. Потому что привык тебе доверять. Из-за тебя я влез в долг, помнишь? Двадцать лямов тебе отдал просто так, наликком, безо всяких дурацких расписок.

– Конечно, помню, – подтвердил Олег и слегка побледнел, в глазах его мелькнула тень беспокойства. – Я же тебе по ватсапу сообщение прислал. Временные трудности, Коля.

Николай положил на руль громадные лапы со сбитыми костяшками и узловатыми пальцами. Олег глянул на ладони, способные задушить крупную собаку, и почувствовал, как его обдало колючим холодом.

– Ты много куришь, Олежа, – негромко произнес хозяин «Ауди». – И руки у тебя трясутся.

Теперь Олег покосился уже на свои пальцы. Да, их действительно сотрясала мелкая дрожь. Он стиснул зубы, протянул руку в окно, чтобы в очередной раз стряхнуть сигарету, и задел локтем наполовину выдвинутое стекло. Столбик пепла сорвался и упал на его колено. Олег нервно улыбнулся и растер его пальцем. На джинсовой ткани образовалось бесформенное серое пятно.

– Мои руки – мои проблемы, – бесцветным голосом произнес он.

– Ага, – заявил Николай. – Ровно до тех пор, пока твоя деятельность не влияет на работу моих денег в твоём банке или фонде. Ты один знаешь, где ты их крутишь.

Олег отвел взгляд.

– На следующей неделе все будет, – пообещал он. – Планируются крупные сделки на фондовой бирже. Кроме того...

– Олежа, не забивай мне голову своими словечками, – перебил его Николай и поморщился так, словно жевал лимон. – Давай по чесноку, приятель. Ты что-то мутишь с бабками? Имей в виду, если я поставлю цель, то отслежу все твои движухи. Если узнаю, что ты меня дуришь, то мало тебе не покажется.

Олег глубоко вздохнул, повернул голову в сторону приятеля и произнес:

– Коля, ты что, угрожаешь мне? Сейчас не девяностые годы. Утюги и кастеты остались в прошлом. Наверное, надо как-то попридержаться коней, а? Я пока ничего такого не сделал, чтобы ты тут на меня ядом плевался. Временные трудности случаются где угодно, в том числе и в нашей деятельности.

Николай ощерился в волчьей ухмылке. Зубы у него были желтые, но ровные и крепкие.

– Ты что, испугался? Брось, Олежа. Я с тобой пока говорю, как на официальном приеме в Кремле. Нежно, ласково и сдержанно. Клянусь, знал бы, что эта твоя шняга вроде пирамид, то не подписался бы на это никогда. Я рассчитывал на деньги, которые ты мне обещал, понимаешь? А ты начинаешь тянуть кота сам знаешь за что.

Олег выбросил в окно наполовину выкуренную сигарету.

– В любом действии есть риск, – проговорил он, старательно отводя взгляд в сторону. – Все зависит от его степени. Одно дело, когда ты на тотализаторе ставишь копейку. Соответственно, твой выигрыш составляет десятку. Другое дело, когда речь идет о миллионе. Тогда при благоприятном исходе ты выигрываешь миллиард. Мне даже стыдно объяснять тебе такие прописные истины.

– Ну да. Можно выиграть или проиграть, – с насмешкой сказал Николай. – Опять философия. Втюхивай это рядовым клиентам, быдлу всякому. Но не мне.

– Коля, я тебя не тянул за шиворот в банк, – сказал Олег, лизнул указательный палец и потер пятно, расплывшееся на джинсах, но этим сделал только хуже.

Николай чуть придвинулся к нему, и Олег ощутил исходящий от него запах – смесь одеколона, свежего пота и жвачки. А еще от этого коротко стриженного крепыша отчетливо тянуло опасностью.

– Если через неделю не будет денег, то я закрою вклад, – тихо проговорил Николай. – Ты ведь помнишь свою кликуху из девяностых? Банкир. Так вот, Банкир. Подтверди, что ты достоин этого погоняла, значимого и уважаемого статуса. Разруливай свои финансовые косяки достойно. Ты ведь в этом дока, за это премии получаешь, не так ли? Не надо спихивать свои промахи либо разгильдяйство на падение курса доллара и всякие колебания на биржах. Поста-

райся сделать так, чтобы твоя репутация не пострадала, и я мог бы рекомендовать тебя серьезным людям.

– Коля, мы ведь знакомы сто лет, – сказал Олег, облизнув пересохшие губы. – Я хоть раз подвел тебя?

Николай хмыкнул, поднял очки на покатый лоб. Иссиня-черные глаза буровили застывшего Банкира, словно оружейные дула, из которых все еще струился дым.

– Не дай бог, Олежа, если ты меня подведешь. Никакой Джафар тебе не поможет, – мягко произнес он. – Я знаю, что ты с ним дела мутишь, задницу его толстую прикрываешь. Как и с Сергеем Черемесовым. Хорошо спелись, неплохое трио.

– Я тебя не подводил, – упрямо повторил Олег.

– Каждый раз что-то происходит впервые, – заметил Николай, вытянул голову и принялся разглядывать жилые дома, высившиеся за шлагбаумом. – Смотри, как бы тебе твои апартаменты не пришлось продавать, дружок. Я долгов не прощаю.

– Ты сказал, я услышал, – холодно ответил Олег. – У тебя ко мне все? Я спешу.

– Нет. Извини, но ты не похож на управляющего банка, – обронил Николай, выплюнул на загрубелую ладонь шарик жвачки и щелчком толстого ногтя отправил его в окно со стороны Олега. – Ты напоминаешь хиппи, который с нетерпением ждет дозы. Надеюсь, я ошибаюсь.

– Моя внешность тебя не касается, – огрызнулся Олег.

– Давай, пока. С нетерпением жду от тебя сообщения о пополнении счета, – отчеканил Николай, заводя автомобиль. – Удачи, Банкир.

Олег молча вышел из машины.

Она тут же взвизгнула покрывками и унеслась прочь.

– Сука! – выдал он, плюнул на бордюр, с ненавистью взглянул на испорченные джинсы, на коленке которых расплылось отвратительное пятно пепла, и ожесточенно повторил: – Сука!

После этого Банкир вытащил из заднего кармана джинсов смартфон и набрал какой-то номер.

Незванный гость

– Ну, давай, Лешик, – ободряюще сказала Дарья сыну. – Удачной тренировки!

Они стояли у входной двери юношеской секции тхэквондо.

Мать улыбнулась, поцеловала мальчишку в вихрастую макушку и поправила на плече ремень спортивной сумки внушительных размеров.

– А я быстренько в банк смотаюсь, – добавила Дарья. – Если успею, сама заберу тебя. Если меня не будет больше пяти минут, иди домой. Ключ у тебя есть. Хорошо?

– Мама... – Мальчуган поднял на нее глаза.

Его взгляд был пронзительным и серьезным, совершенно не свойственный восьмилетнему пареньку.

– А папа больше к нам не будет приходить?

Дарья заставила себя улыбнуться и ответила:

– Нет, сынок. Я очень надеюсь, что он больше не придет.

– Я скоро вырасту и буду тебя защищать, – выпалил Алексей, распахнутые глаза которого горели непреклонной решимостью. – Он больше никогда не ударит тебя! Не бойся его!

Женщина почувствовала, как глубоко внутри у нее что-то заняло.

– Конечно, дорогой, – сказала она. – Давай беги, а то опоздаешь.

Парнишка кивнул и поспешил в раздевалку, а Дарья направилась домой.

По счастью, спортивный клуб, куда ходил заниматься Лешка, находился в трех шагах от их дома. Там же, во дворе, была припаркована ее машина.

«Он больше никогда не ударит тебя», – вспомнила она слова сына и тепло улыбнулась.

– Надеюсь, ты вырастешь настоящим мужчиной, – вслух проговорила она, подходя к машине. – Не то что твой папуля.

Дарья уже собралась было открыть сумочку, чтобы достать ключи, как внезапно вспомнила, что оставила их дома.

– Елки зеленые, – пробормотала она и, цокая каблучками, торопливо зашагала к подъезду.

Женщина почувствовала неладное, как только переступила порог квартиры. Из гостиной доносился звук работающего телевизора.

«Я вообще сегодня его не включала», – скользнула у Дарьи мысль, и ей сделалось не по себе.

Затаив дыхание, она осторожно прошла по коридору и остановилась перед комнатой. От увиденного ее пальцы непроизвольно сжались, ногти до боли впились в ладони.

Ее бывший муж Кирилл сидел на диване, развалившись как ни в чем не бывало. Не отрываясь от экрана телевизора, по которому велась трансляция соревнования по биатлону, он уплетал виноград из стеклянной вазы, втиснутой между коленями.

– О, Дашуля! – хмыкнул он, заметив застывшую в дверях женщину. Его помятое лицо скривилось в скабрезной ухмылке. – А я тут тебя поджидаю. – С помощью дистанционного пульта он переключил телевизор на музыкальный канал.

– Ты!.. – Дарья едва не задохнулась от гнева, захлестнувшего ее. – Какого лешего ты тут делаешь?! Мы же договорились!

– Мало ли о чем мы договаривались. Я отдыхаю в нашей общей квартире, – как ни в чем не бывало отозвался Кирилл. Он отщипнул виноградинку от веточки и отправил ее в рот. – Имею полное право, детка.

Дарья вошла в гостиную, шагнула к телевизору и выключила его, нажав на кнопку.

– Как у тебя хватило наглости заявиться сюда? – едва сдерживаясь, спросила она. – После того как ты при ребенке поднял на меня руку?! Убирайся!

Кирилл зевнул и с демонстративной небрежностью ковырнул в ухе мизинцем.

Стиснув зубы, Дарья схватила вазу с виноградом, переставив ее на журнальный столик.

– Уходи! – повторила она, повысив голос.

Лицо ее пылало от ярости и негодования.

Кирилл не спеша поднялся и, пригладив взъерошенные волосы, произнес:

– Ты, похоже, не догоняешь, Дашуля. Эта хата куплена в браке, забыла? Все по закону. Я читал Гражданский кодекс. Мало того, я до сих пор здесь прописан. Так что имею такие же права на квартиру, как и ты с твоим щенком.

Дарья побледнела.

– Подонок! – дрогнувшим голосом произнесла она. – Это ведь и твой сын.

Кирилл помотал головой.

– Приютский оборванец он, а не сын. Если бы ты была нормальной здоровой бабой, то нам не пришлось бы усыновлять этого сопляка. Я просто пожалел тебя, дурочка. Неужели ты до сих пор этого не поняла?

– Ну и мразь же ты, – с презрением бросила Дарья.

Она изо всех сил старалась держать себя в руках, с отчаянной беспомощностью осознавая, что ее бывший супруг формально прав. Пускай даже у него есть другое жилье, это неважно. Сейчас она ничего не может сделать. Закон на его стороне.

– Я завтра же обращусь в суд с иском о разделе имущества, – сказала она, пытаясь придать своему голосу уверенность.

– У меня есть другое предложение, – проговорил Кирилл. – Давай разбежимся тихо и мирно. Ты платишь мне семь лямов, а я тебе даю расписку, что претензий не имею. Заверим ее у нотариуса.

– Семь миллионов за половину квартиры? – переспросила Дарья. – Не много ли?

– По мне, в самый раз. Хочешь спокойно жить – плати, детка. А если тебе не хватает, я могу взять с тебя частично натурой. У меня много друзей, я с ними поделюсь. Останешься должна шесть лямов девятьсот девяносто девять штук, хе-хе. – Он глумливо подмигнул ей.

– Пошел прочь! Мы встретимся на нейтральной территории, при условии, что ты будешь трезвым, – холодно сказала Дарья. – А если еще раз коснешься пальцем меня или Леши, я напишу заявление в полицию.

– Напугала ежика голой попой, – заявил Кирилл и придвинулся к бывшей жене практически вплотную. – А вдруг я прямо сейчас потащу тебя в спальню? Что ты сделаешь? Будешь звать на помощь? – Он протянул руку, схватил Дарью за плечо. – Что умолкла? Или поставить тебе фонарь под другим глазом для симметрии?!

Взгляд Дарьи метнулся в сторону комода. Туда, где лежали ножницы. Вчера вечером она помогала сыну с аппликацией и позабыла убрать их.

– Ну, Дашуля? – Голос Кирилла стал хриплым, изо рта вылез кончик языка, нервно обвел шелушащиеся губы. – Давай вспомним, как нам было хорошо. Ты не пожалеешь...

Закончить он не успел, так как через мгновение Дарья бросилась к комоду, проворно схватила ножницы и приставила их к кадыку бывшего мужа.

– Совсем берега попутала? – прохрипел Кирилл, с опаской косясь на поблескивающие лезвия. – Убери это дерьмо! Ты порежешь меня!

– Именно это я и хочу до тебя донести, скотина!

В глазах мужчины мелькнул страх.

Он кашлянул и заявил:

– Ты сядешь в тюрюгу. А твой сыночек угодит в детдом.

– Плевать. Сейчас ты уйдешь отсюда, – проговорила Дарья. – Медленно и спокойно. Или я воткну эту штуку тебе в глотку!

– Ты не сделаешь этого, – неуверенно сказал Кирилл.

– Я не думаю, что ты захочешь это проверить, – тихо ответила она. – Убирайся. Немедленно.

– Все-все, – пролепетал тот, чувствуя, как кончики лезвий надавили на кожу.

Он попятился назад, и рука Дарьи опустилась.

Оказавшись в коридоре, Кирилл ожесточенно пнул ногой шкаф-купе. Его буквально трясло от испепеляющей ненависти и злости на самого себя за минутный страх, вызванный блеском ножниц, которые были у самого горла.

– Ну, хорошо, – сквозь зубы проговорил тот. – Не забудь про семь лямов. Даю тебе десять дней. Или я заставлю тебя сожрать эти ножницы. И не смей менять замки, слышишь?! Вырву дверь с мясом! – Он выскочил из квартиры и с оглушительным грохотом хлопнул железной дверью.

Дарья без сил прислонилась к стенке, вытерла взмокший лоб. Пальцы ее разжались, выронив ножницы.

Тренькнул телефон, извещая о поступившем сообщении.

– Кто там еще? – устало спросила она вслух, извлекая мобильник.

Но черты ее лица мгновенно разгладились, когда она увидела, кто отправитель.

«Дарья, добрый день. Отправляю Вам пакет обращений по Вашим проблемам. Если у Вас возникнут вопросы, я с радостью отвечу на них. Вы также можете подъехать в мой офис, чтобы обсудить все более детально. С уважением, Артем П.»

Женщина слабо улыбнулась и открыла архив, прилагаемый к сообщению. Там было все, начиная с жалобы на участкового, заканчивая заявлением в суд на раздел имущества.

После секундного размышления Дарья мазнула пальцем по значку «позвонить абоненту».

– Артем, здравствуйте, – торопливо проговорила она, услышав знакомый голос. – Хочу вас поблагодарить за ваше внимание к моим проблемам. Я... – Она запнулась, растерялась, как школьница.

– Это пустяки, Даша, – отозвался Павлов. – Я рад вам помочь и уверен в том, что все ваши неурядицы будут решены.

– Мне это очень льстит, – сказала Дарья и улыбнулась.

Она не могла объяснить причину, но, слыша голос известного адвоката, со смущением почувствовала участвовавшее сердцебиение.

– Я сейчас как раз собиралась заехать в банк.

– Я мог бы составить вам компанию, – предложил Артем. – Вы далеко живете?

Дарья назвала улицу.

– Я как раз неподалеку от вашего района, – сказал Павлов. – Могу вас забрать.

– Нет, что вы! Я на машине.

– Только, пожалуйста, выезжайте со двора передом, – нарочито серьезным тоном произнес адвокат.

Она не выдержала и рассмеялась.

Улыбка сошла с лица Дарьи, как только она вышла из подъезда и увидела свой автомобиль. Оба передних колеса «Тойоты» были спущены. Подойдя ближе, женщина разглядела узкие дыры на резине.

«Кирилл! Спятивший алкоголик. У него совсем поехала крыша, – подумала она, сверкнув глазами. – Что делать? Ехать на такси?

Она набрала Павлова.

– Артем, пожалуй, я все-таки воспользуюсь вашим предложением. Вы не могли бы за мной заехать? – сказала она, не сводя взора с проколотых шин.

– Не вопрос, – откликнулся Павлов.

Разговор закончился, но Дарья все смотрела и смотрела на спущенные колеса. Ведь это значило, что у него был нож.

Она старалась думать о чем-то постороннем, но в ее голове вновь и вновь пульсировала фраза, брошенная Кириллом:

«Не забудь про семь лямов. Даю тебе десять дней!»

Она вздрогнула, вспомнив его перекошенное от пышущей злобы лицо с выпученными глазами, в которых сквозило сущее безумие.

«Прайм-банк»

Трасса была относительно свободной, и дорога не заняла много времени.

– Вы сегодня не очень-то разговорчивы, – отметил Артем, заглушил двигатель своего «Ягуара» и включил стояночный тормоз.

Дарья взглянула в зеркало и поправила волосы. Ей все еще казалось, что плечо ее буквально плавилось от мерзкого прикосновения Кирилла. Женщина даже поймала себя на мысли о том, что вряд ли удивится, если увидит на этом месте покрасневшее пятно, как от ожога.

– Извините, просто голова разболелась, – ответила она с виноватой улыбкой.

– Вам не за что извиняться, – произнес Павлов.

– Подождете меня здесь? Я быстро.

– Ну почему же. Мне интересно взглянуть на кредитную организацию, которая процветает и балует своих клиентов высокими процентами.

Между тем из банка вышел мужчина в темных очках и легком бежевом костюме, жилистый и высокий, как жердь. Он задержался у ступенек и озадаченно глядел на адвоката с Дарьей, приближавшихся к нему. Через мгновение его лицо расплылось в улыбке.

– Не может быть, – проговорил он с изумлением в голосе. – Господин Павлов?

Артем замедлил шаг.

– Добрый день, Роман Игоревич. Вот уж неожиданная встреча, – сказал он, пожал протянутую руку и добавил: – Мир тесен. Вижу, ваша аллергия все еще доставляет вам неприятности.

– Пустяки, я уже давно привык. Очень жаль, конечно, что простые солнечные лучи на меня действуют, как на вампира. Не самое удачное сравнение, но, в общем-то, близкое к правде. Этой ненавистной экземе почему-то больше всего подвержена кожа рук.

Только сейчас Дарья поняла, о чем речь. Руки этого мужчины были облачены в тонкие перчатки телесного цвета, что можно было заметить только с близкого расстояния.

– Даша, извини, я буквально на минуту задержусь, – обратился Артем к ней.

Она кивнула и сказала:

– Я буду в холле.

Женщина ушла.

Адвокат повернулся к своему знакомцу и осведомился:

– Как успехи? В общем и целом?

– Благодарю, Артем... простите, забыл ваше отчество.

– Андреевич.

– Все замечательно. Я с теплотой вспоминаю наше сотрудничество и ту бесценную помощь, которую вы тогда оказали мне, – сказал Роман. – Если бы не вы, то мою компанию пришлось бы закрыть и искать другие формы ведения бизнеса.

– Это дело прошлое. Дай-то бог, чтобы все и дальше складывалось удачно, – проговорил Павлов. – Я смотрю, вы пользуетесь услугами этого банка, не так ли?

Роман кивнул и сказал:

– Меня устраивает. Пока никаких вопросов к этому заведению не было. Надежно, эффективно. Всегда своевременные выплаты.

– Что ж, приму на заметку.

– Не смею вас больше задерживать, – проговорил Роман. – Если чем могу оказаться полезен, то всегда в вашем распоряжении.

Павлов попрощался с ним и вошел в банк.

За стойкой сидела светловолосая девушка. Она хлопала глазами и явно с трудом подавляла зевоту. Похоже было на то, что прошлую ночь эта особа провела в клубе. Теперь барышня отчаянно боролась со сном. С посетителем она поздоровалась очень вяло, едва слышно.

– Здравствуйте, – откликнулся Артем.

Дарья стояла в холле и о чем-то вполголоса разговаривала с худощавым клерком в строгом костюме. У него была аккуратная бородка-испанка и длинные редкие волосы, забранные в хвост. Он что-то настойчиво втолковывал Дарье, держа в руках прозрачную папку с документами.

– Добрый день, – поздоровался Артем, и мужчина обернулся.

– Мы вместе, – пояснила Дарья.

В глазах клерка тут же мелькнуло что-то смутное, будто темное облако, которое на мгновение закрыло солнце и тут же растворилось под порывом ветра.

От Павлова это не ускользнуло.

– Какие у нас гости! – воскликнул сотрудник банка, растягивая губы в дежурной улыбке. – Неужели это вы, господин Павлов?

Они обменялись рукопожатиями.

– Олег, – представился клерк.

Его ладонь была влажной и прохладной, и Артем непроизвольно подумал о только что размороженной печени в полиэтиленовом пакете.

– Вероятно, у нас есть возможность пообщаться в конфиденциальной обстановке, – произнес он.

– Конечно, – подтвердил Олег. – Прошу за мной.

Они прошли в помещение для переговоров, отгороженное от коридора стенкой из толстого стекла, и расселись по креслам.

– Может, кофе? – предложил Олег, обводя взглядом гостей.

– Спасибо, нет, – отказался Павлов.

Дарья же качнула головой и сказала:

– Олег, у меня мало времени. Вы говорили, что нужно подписать какое-то дополнительное соглашение к нашему договору.

Клерк откашлялся и произнес:

– Немного не так. Я хотел предложить переоформить договор, писал вам об этом на электронную почту. Он пока еще не готов. У нас, к сожалению, полетела офисная программа. Наши сотрудники работают над ее восстановлением. Я пока сделаю копию вашего паспорта. Вы ведь захватили его с собой?

– Разумеется, – с плохо скрываемым недовольством ответила Дарья.

Олег расплылся в улыбке.

– Ну и прекрасно.

– Кажется, вы уже снимали копии с моих документов.

– Виноват, я пропустил страницу с вашей регистрацией. Гм... Может, все-таки чаю? – на всякий случай предложил Олег.

– Нет, благодарю, – решительно отказалась Дарья, вытащила из замшевой сумочки паспорт, положила его на столик. – Олег, вы уж простите, но разве нельзя было все совместить в один визит? У меня ребенок, и мне с трудом удастся выкроить время, даже час или два. Я не могу сюда ездить, как на работу.

Клерк вздохнул, напустил на себя скорбный вид человека, постоянно подвергающегося незаслуженной критике.

– Дарья, поверьте, я всегда действую в интересах клиента. Случаются иногда осечки, ведь никто от этого не застрахован. – Он перевел взгляд на Артема, который с невозмутимым выражением сидел на диване, закинув ногу на ногу. – Господин Павлов, может, вы желаете

открыть вклад в нашем банке? Сегодняшнее недоразумение – исключение из правил. У нас серьезные клиенты и отличная репутация!

– Это вопрос не одной минуты, – отозвался адвокат и потянулся за рекламным буклетом, лежащим на столике. – Вы же понимаете, что вложение финансов требует серьезного анализа кредитной организации.

– У нас сейчас действует специальная программа, – вкрадчиво произнес Олег. – При вкладе суммы в размере пятисот тысяч подарок от банка – телевизор. От миллиона до двух – айфон последней модели. От двух до пяти – скутер. Подобных условий нет ни в одном банке Москвы!

– Занятно, – с усмешкой сказал Артем, листая буклет.

Олег понял, что особого интереса его предложение не вызвало, и заявил:

– Я оставляю вас на минуту.

– Мне сегодня везет как утопленнику, – подала голос Дарья, когда клерк выскользнул из помещения. – Могла бы и не ехать.

Павлов оторвался от рекламной книжечки и посмотрел на женщину.

– Поговорим в машине, – спокойно произнес он, и она устало прикрыла веки.

Вскоре вернулся Олег, передал Дарье паспорт и проводил их к выходу.

– Я вам обязательно позвоню в ближайшее время, – пообещал он, продолжая улыбаться.

Глядя на его тонкие кривящиеся губы и бегающие глаза, Павлов подумал, что в улыбке банковского работника столько же искренности, сколько подлинности в трехсотрублевой купюре.

– Что скажешь? – рассеянно спросила Дарья, усаживаясь в машину, тут же ойкнула и поправилась: – Простите, вырвалось. Что скажете?

– Ничего страшного, – ответил адвокат, закрывая за собой дверь. – Можно перейти на «ты».

– Хорошо. – Женщина улыбнулась. – Не возражаю.

– Даша, если тебя интересует мое мнение, то с этим банком нужно рвать все контакты, – сказал Павлов. – Мне хватило нескольких минут, чтобы понять, что это самая настоящая шарашкина контора. Обратила внимание на режим работы? С одиннадцати до шестнадцати. Где ты видела, чтобы кредитные учреждения работали так мало? Второе. Ты заметила, что в банке, кроме сонной тетери на ресепшне и этого клерка с неформальной внешностью, никого не было? Не считая моего знакомого, которого мы встретили у входа?

– Обратила, – подтвердила Дарья. – Но тут и прежде было не особенно-толюдно.

– Опять же доход, – продолжал Павлов. – Средняя цифра по банкам – восемь процентов. Девять – редкость, это, по сути, уже потолок. А одиннадцать – что-то из области фантастики. Потом подарки клиентам. Айфоны, телевизоры. Напоминает наживку, чувствуешь?

– Но это работает, Артем, – сказала Дарья. – Я держу свои накопления в этом банке почти год, и никаких претензий к нему у меня никогда не было. Разве что сегодня. Я была уверена, что подпишу новое соглашение, да и все. Теперь придется тащиться сюда еще раз.

– А знаешь, почему ты не подписала бумаги? – внезапно спросил Павлов, прямо глядя на женщину. – Я тебе отвечу, Даша. Потому что этот клерк увидел, что ты не одна. Сказку про вышедшую из строя программу он придумывал на ходу, пока мы шли в переговорную комнату. Понимаешь? Он был уверен, что ты придешь без сопровождающих и без проблем подпишешь нужные документы, не вникая в их содержание.

– Господи! – Дарья потрясенно выдохнула. – Ты хочешь сказать, что меня и здесь намереваются кинуть?

– Я не знаю. Но вижу слишком много нехороших признаков, – задумчиво проговорил Артем. – Надо было бы взглянуть на те документы, которые этот Олег намеревался тебе подсу-

нуть. Ну, а пока будем довольствоваться этим. – Он открыл бардачок, положил внутрь рекламный буклет банка, который захватил с собой, после чего завел двигатель и тихо спросил: – Даша, что случилось? На тебе лица нет.

Она обхватила ладонями виски, на которых пульсировали жилки, и глухо ответила:

– Я себя неважно чувствую, Артем. Извини. Хотела с тобой пообедать, но вспомнила, что нужно сына забирать с тренировки.

– Я тебя довезу, не переживай, – проговорил Павлов, выезжая на дорогу.

Дарья молча смотрела в окно. Ее так и подмывало рассказать Артему об утреннем инциденте с Кириллом. Но каждый раз, как только она собиралась открыть рот, некая внутренняя непреодолимая сила останавливала женщину.

Нападение

Николай Коршунов, сорокавосемилетний вице-президент ассоциации любительского бокса Санкт-Петербурга, уверенно вел свою «Ауди» по ночной трассе в сторону Северной столицы России. Основные дела, запланированные им в Москве, были выполнены, встречи с нужными людьми проведены. Погода радовала чистым, усыпанным звездами небом и отсутствием даже намека на осадки. В связи со всем этим его настроение можно было бы назвать почти хорошим.

Почти, поскольку общую бочку меда портила ложка дегтя в виде задержки выплат по вкладам, которые в свое время ему клятвенно обещал Банкир, этот гребаный патлатый хиппи в гавайской рубашке. Коршунов старался не обращать внимания на подобные мелочи, но внешний вид Олега вызывал у него плохо скрываемое раздражение. Это притом, что они знали друг друга еще с перестроечных времен. По мнению Николая, мужик не должен был выглядеть как огородное пугало. Разумеется, сейчас совершенно другие времена, всеобщая дозволенность и толерантность, стирающая все мыслимые и немыслимые рамки. Но Николай терпеть не мог, когда у особи мужского пола на голове вместо нормальной прически торчат хвостики-косички. В конце восьмидесятых он с компанией подкачанных ребят частенько навевывался на концерты рок-групп, чтобы подровнять ножницами вот таких вот фанатов тяжелой музыки, а заодно экспроприировать содержимое их карманов, на память, так сказать.

Но внешность – это ладно. Хоть без штанов ходи, пока кто-то из бдительных граждан в мусарню не сообщит. А вот косяки с деньгами Коршунов уже простить не мог. Интересно, что там такое замутил Банкир, раз возникла задержка с выплатой? В прошлый раз этот волосатик что-то плел про какой-то фонд и цифровые биржи, где он прокручивал деньги Николая и его бывших приятелей – Джафара и Сереги Черемесова. А теперь вот такой облом.

«Ты очень пожалеешь, Олеж, если решил нагреться за счет моих накоплений, – подумал Николай. – Не буди лихо, пока оно тихо».

Он взглянул на топливный датчик. Бензина хватило бы еще на пару сотен километров, однако Николай решил залить бак полностью. Коршунов планировал к утру вернуться домой, а это более пятисот километров. Там он собирался часика три покемарить и приступить к делам.

Вскоре впереди замелькали огоньки АЗС. Николай перестроился на крайнюю правую полосу и неожиданно почувствовал резкий удар в заднюю часть кузова. Его тело с силой вдавило в кресло. Если бы не подголовник, то вице-президенту боксерского клуба грозил бы серьезный вывих шейных позвонков.

– Твою мать! – злобно рывкнул он, ударив по тормозам.

Надсадно взвизгнули покрышки, стираемые о дорожное полотно.

Коршунов остановился у обочины, включил аварийный сигнал и принялся испепелять взглядом зеркало заднего вида. Фары машины, влетевшей в зад «Ауди», светили прямо на него, из-за чего разобрать марку этого автомобиля было невозможно, а уж номер – тем более.

– Гаденыш! – прорычал Коршунов, сплюнул в окно, выбрался из авто и раздраженно хлопнул дверью. – Вы там что, уже глаза залили? – выкрикнул он, приближаясь к машине, из которой до сих пор так никто и не вышел.

Это был «БМВ», покрытый толстым слоем пыли. Окна иномарки были тонированы, на черной поверхности стекол мерцали отблески дорожных фонарей.

Пыл Николая слегка поутих, когда он увидел, что номера врезавшегося в него автомобиля были замазаны засохшей грязью. Где-то глубоко внутри его неприятно кольнула иголочка тревоги, но ладонь Коршунова уже тянулась к дверной ручке иномарки. Едва его пальцы коснулись прохладного пластика, как дверь распахнулась сама.

– Привет, сучара! – прохрипел человек, облаченный во все темное.

Лицо этого типа закрывала маска-балаклава, лишь глаза его сверкали прожигающей ненавистью. Спустя мгновение раздался шипящий звук, и в лицо ошеломленного Николая ударила тугая струя перцового газа. Глаза вспыхнули нестерпимым жаром, как если бы его окунули лицом в казан с тлеющими углями. Тысячи невидимых булавок впились в плоть своими раскаленными остриями.

Николай взвыл. Боль была такая, что ему показалось, будто лицо его превращается в рыхлое решето из плавящейся кожи. Он прижал ладони к глазам, горящим огнем, и неуклюже попятился назад. Но молниеносный удар в голову, похожий на щелчок тумблера, отправил его в глубокий нокаут.

С каждым ударом сердца сознание медленно и нехотя выкарабкивалось из бездонного колодца забытья. Николай постепенно приходил в себя. Голова его трещала и раскалывалась от боли, как если бы внутрь черепной коробки кто-то закачивал жидкий азот. Глаза невыносимо щипало, они опухли и безостановочно слезились.

Он, кряхтя, медленно сел, ощущая под собой прохладную землю, разлепил клейкие веки и бессмысленно таращился перед собой. Черные стволы многолетних елей обступили его, словно охотники зверя, загнанного в западню.

– Дерьмо! – выдавил Николай.

Его колотил озноб, зубы лязгали от пронизывающего холода. Только сейчас до него дошло, что на нем нет совершенно никакой одежды. Он был в глухом лесу, абсолютно голый.

– Дерьмо! – повторил Коршунов и с невероятным трудом поднялся на подгибающиеся ноги.

Головокружение усилилось, и он осторожно потрогал затылок. Пальцы коснулись крупной шишки, покрытой заскорузлой коркой крови, и Николай поморщился от стрельнувшей боли. Его мутило, желудок совершал невообразимые кульбиты, грозил вот-вот вывернуться наизнанку.

– Кто?! – прошипел он, держась за холодный ствол.

Кора этой ели была колючей, шершавой, казалась безжизненной, напоминала застывшую лаву.

– Кто посмел?!

Его расфокусированный взор неожиданно остановился на необычном предмете, странно белеющем в нескольких шагах от него. В этом дремлющем, темном и промозглом лесу он смотрелся так же нелепо, как золотое кольцо на полустгнившей штакетине деревенского забора.

Шаркая голыми подошвами, Николай двинулся к белому предмету.

«Бумага», – догадался он, приблизившись вплотную, всмотрелся в куст, на ветках которого лежала смятая мешковина, вновь перевел взгляд на листок, придавленный небольшим камнем.

«Специально, чтобы ветром не унесло», – подумал Николай, нагнулся, вытащил из-под камня лист, перевернул его.

Прямо посередине на нем было крупно напечатано всего одно слово: «Убийца».

Пальцы, подрагивающие от холода, машинально скомкали листок. Коршунов тупо разглядывал свое голое тело, покрытое пупырышками. Он вдруг сообразил, что девать это жуткое обвинение ему попросту некуда. Разве что свернуть в трубочку и засунуть... за ухо.

«Привет, сучара!» – неожиданно всплыл в памяти хриплый голос человека в маске, и Николай вздрогнул.

– Я тебе покажу «привет», – проговорил он, стуча зубами от пронизывающего холода, и снял с куста тряпье.

Это и впрямь оказался мешок, в котором обычно хранится картофель. Грязный, пыльный, отвратительно воняющий плесенью. Николай расправил его и почти не удивился, обнаружив на дне три отверстия – для рук и, соответственно, головы.

Тот, кто оставил его здесь, не сомневался в том, что Коршунов наденет это тряпье на себя, просто не оставил ему выбора. Не пойдет же он по лесу вот так, в чем мать родила! Николай вновь окинул себя скептическим взглядом. Кроме зловонной мешковины, тут ничего нет, так что придется воспользоваться ею.

Он был преисполнен гремучей мешаниной эмоций – яростью, страхом и растерянностью. Кто и зачем это сделал?!

Скрипнув зубами, преодолевая брезгливость, Николай быстро облачился в мешковину, сжал в руке листок и, пошатываясь, двинулся прочь.

На ходу Коршунов представил себе, как выглядит со стороны, и, невзирая на всю незавидность положения, его начал распирать истерический смех. Да, ему еще бы рогатину и бороду. Получится самый натуральный неандерталец, вышедший на охоту.

Впрочем, смех тут же оборвался. Пора было выбираться из этой чащобы. Кажется, где-то впереди раздавался гул машин, проносящихся по шоссе, значит, не так уже далеко его оттащили.

Он ковылял, проклиная все на свете, а в голове его между тем билась одна-единственная мысль – кто?! Кому он мог насолить, чтобы его нужно было так унижить?

«С тобой еще пока ничего не случилось», – шепнул внутренний голос. – Тебя просто предупредили».

Николай почувствовал, как в глотке у него застрял вязкий ком. А ведь и верно. Несмотря на предрассветную прохладу, лоб Коршунова покрылся испариной.

«Напряги память! – приказал он себе. – Тогда, в девяностые, вы зачетно покуролесили с Джафаром и Серегой. На твоей совести есть люди, за упокой души которых потом загорались свечи».

Ему стало не по себе, чудилось, что скомканный листок обжигал ладонь, как булыжник, нагретый на солнце.

«Убийца».

Да, действительно, так оно и было. Время стояло такое. Без физического устранения врагов и недобросовестных конкурентов зачастую никак не удавалось обойтись. На личном счету Николая числились три жертвы, лица которых он будет помнить до конца своей жизни. Вот только события тех далеких и непростых дней он запихнул в стальной сейф, спрятал его в самые потайные закоулки сознания, а ключ похоронил в яме забвения. Знает об этом настолько ограниченный круг людей, что хватит пальцев одной руки, чтобы их перечислить.

Так кого именно имел в виду этот странный мститель, когда оставил рядом с его бесчувственным телом это напоминание? Одного или всех вместе?

Он неожиданно замер, будто чудом не наступил на затаившуюся змею.

«Банкир, – оторопело подумал Николай. – Тощий поганец, может, это твоих рук дело? Присвоил мои бабки и решил таким образом спектакль разыграть?!»

Впрочем, после недолгих размышлений Коршунов был вынужден отказаться от этой мысли. Он решил, что вряд ли Олег причастен к этому дерзкому нападению. Этот пижон ойкает, когда таракана видит, кишка у него тонка заказать Колю Коршунова. А уж проверить это дело своими руками и подавно. Да и когда он успел бы это сделать? Послал за ним хвост, как только они распрощались? Сразу после их разговора? Бред!..

– И почему меня тогда не убили? – вслух пробормотал Николай, осторожно переступая босыми ногами.

«Действительно, если Банкир хотел избавиться от настырного клиента, то зачем устраивать какие-то показушные сцены с раздеванием и подсовыванием записок?

«Потому что это не Банкир, а кто-то другой. Убить тебя было бы слишком просто», – ответил он самому себе.

Ступни неприятно кололи мелкие веточки и сосновые иглы. В какой-то момент Николай споткнулся о корень, выступающий из земли, до крови ободрал большой палец на ноге и громко выругался.

– Тогда кто это? – хрипло проговорил он, мельком взглянув на запястье, которое облегли швейцарские часы. В свое время он без сожаления выложил за них семь штук евро.

Надо же. Одежду забрали всю, вплоть до трусов с носками, а часы не взяли. Как и перстень из белого золота, тускло поблескивающий на безымянном пальце левой руки. За эти две цапки можно было свободно выручить среднюю иномарку, но их оставили, сделали это показательно, демонстративно. Такой факт вызывал у Коршунова еще большую тревогу.

Вице-президент ассоциации любительского бокса Санкт-Петербурга, одетый в рваный мешок из-под картошки, продолжал брести по лесу. Он ковылял, дрожал от холода и крепко, до побелевших костяшек, сжимал в кулаке измятый листок с надписью «Убийца».

Ему удалось выбраться из леса спустя сорок минут. Немного пройдя по трассе, Николай наткнулся на указатель с надписью: «Река Тверца».

«Судя по всему, увезли меня недалеко», – мрачно отметил он.

Лишь только восьмая по счету машина притормозила возле странного мужчины, голосующего на трассе, одежда которого состояла из грязной мешковины. Водитель уже решил было отказаться сажать к себе столь специфического пассажира. Он согласился подвезти его лишь тогда, когда тот молча снял с пальца перстень и положил на приборную доску.

Роман Олейник

Роман Игоревич Олейник, владелец небольшой мебельной фирмы, расположенной в Москве, взглянул на часы. Начало одиннадцатого вечера. Он погладил эластичные перчатки, расправил мелкие складки на пальцах. Со временем у Романа вошло в привычку не снимать их даже дома. Ванна и постель – только там он обнажал свои руки.

Роман расположился в мягком кресле, неторопливо взял с пепельницы тлеющую сигарету, глубоко затянулся, выдохнул и развеял легкий дым рукой. По гостиной поплыл терпкий, сладковатый запах травки. Затем он перевернул страницу книги, которую, судя по обтрепанной обложке, перелистывал не один раз.

«Множество горных рек впадает в глубокое море. Причина в том, что моря расположены ниже гор. Поэтому они в состоянии властвовать над всеми потоками. Так и мудрец, желая быть над людьми, становится ниже их, а желая быть впереди, он становится сзади. Поэтому, хотя его место над людьми, они не чувствуют его тяжести, хотя его место перед ними, они не считают это несправедливостью», – прочел Роман знаменитое изречение Лао-Цзы и улыбнулся.

Древнекитайский философ и основоположник даосизма, конечно же, был гением, хотя со многими его утверждениями Роман с удовольствием поспорил бы. Он с легким раздражением поймал себя на мысли о том, что не может сосредоточиться на строчках, отложил книгу в сторону, глотнул ароматного чая с чабрецом, после чего сделал очередную затяжку. На этот раз вкус травы показался ему каким-то пресным, бесцветным.

«Или день прошел как-то особенно», – рассеянно подумал Олейник, взглянув в окно.

Ночь накрыла город бархатистым угольным одеялом, на котором, словно прицепленная бриллиантовая брошка, мерцала одинокая звездочка.

Он вздохнул.

День прошел как обычно. До обеда он работал у себя в офисе, а потом нанес визит в банк. Роман заметил, что Олег сегодня был каким-то нервным. Собственно, это обстоятельство не должно было его волновать. У каждого свои проблемы.

А потом он прямо на выходе лоб в лоб столкнулся с Павловым. Вот так дела! Интересно, что забыл мэтр российской юриспруденции в столь скромном кредитном заведении, как «Прайм-банк»? Неужто решил воспользоваться его услугами и открыть там вклад?

Хотя именитый адвокат с такой же долей вероятности мог попросту сопровождать ту хрупкую миловидную даму с беспокойным лицом. Скорее всего, они просто знакомы друг с другом. По наблюдению Романа, женщина не производила впечатления человека, связанного с Павловым деловыми отношениями. Да и недешевое это удовольствие – нанимать юриста такого ранга, как Артемий Андреевич.

Роман закрыл труд китайского философа, положил его на журнальный столик из матового стекла, тщательно затушил сигарету с травкой, после чего поднялся и не спеша направился в гостиную. Там на массивном комод из дуба стоял громадный террариум. Внутри, среди декоративных коряг и кустиков, виднелся крупный паук-птицеед иссиня-черного окраса, словно гудрон.

– Спокойной ночи, дружок, – сказал Роман, улыбнулся и щелкнул пальцем по стеклу.

Паук не шелохнулся, но Олейника это не удивило. Птицеед мог сидеть в полнейшей неподвижности целую неделю, особенно когда был сыт.

«Пожалуй, пора на покой», – подумал Роман, отправился в ванную комнату, принял душ, выключил свет и улегся спать.

В начале второго ночи его разбудил телефонный звонок. Дежурный охранник жилищного комплекса скороговоркой сообщил, что какой-то тип поджег его «Лексус», стоявший на охраняемой парковке.

Спросонья хлопая глазами, едва очухавшись от прерванного сна, Роман принялся судорожно натягивать на себя одежду.

«Подожгли машину! – долбилося в его мозгу. – Надо же! Кому это понадобилось?»

Спустя семь минут он уже находился на месте. Процесс тушения был в самом разгаре, но даже стоя на внушительном расстоянии от пылающего «Лексуса», Роман почти не сомневался в том, что спасать там, по сути дела, было уже нечего. Дым валил смоляным столбом, огонь злобно шипел под мощным напором пены, до последнего не желал сдавать свои позиции.

Роман потерял руки и совсем не к месту отметил, что первым делом, вскочив с постели, натянул перчатки. Это было уже сродни рефлексу, все равно что обойти открытый люк на тротуаре.

Наконец все было закончено. Пожарные, перекидываясь фразами, начали расходиться. Крепкие молодые мужчины в термостойкой униформе равнодушно шлепали сапогами по мутной жиже, мешанине из грязной воды и пены, не спеша сматывали рукава с напорными шлангами. В воздухе пахло гарью и сожженной резиной. Конечно, им не было никакого дела до сгоревшего автомобиля, равно как и до его владельца. Свою работу они выполнили.

Роман с бешено колотящимся сердцем глядел на почернелый остов своей машины. «Лексус» выгорел практически полностью, превратился в дымящийся скукоженный скелет какого-то фантастического биоробота из фильма о будущем. Хлопья гари до сих пор порхали в воздухе ленивыми мухами.

– Из потерпевших я один? – на всякий случай поинтересовался Роман и огляделся по сторонам, хотя и так было видно, что, кроме его машины, сожженной дотла, ни один автомобиль не пострадал.

Охранник, рослый мужчина средних лет, утвердительно кивнул. Вид у него был слегка виноватый.

– Все произошло внезапно. Сначала был какой-то хлопок, а когда я вышел, увидел огонь, – пояснил он, перекладывая из руки в руку служебную рацию. – В машинах начала срабатывать сигнализация. Я был здесь через пару минут, но из-за дыма...

– Господь с ним, с дымом, – прервал его Роман. – Я не имею к вам претензий. Вы уже просмотрели камеры наблюдения?

– Старший смены как раз этим занимается.

Роман кивнул.

Значит, шанс найти злоумышленников все же есть.

Он вышел за пределы стоянки, с наслаждением вдыхая ночной воздух.

– Просто замечательно, – пробормотал Олейник. – Теперь куда? В полицию?

Дурное соседство

Уже наступил вечер, когда Дарья с сыном пришли домой.

– Мой руки, Лешик, – сказала мать. – Скоро будем ужинать.

Она скинула туфли и прошла на кухню. Слушая, как журчит вода в ванной, Дарья вдруг подумала, что о сегодняшнем визите в банк следовало бы предупредить Артема. Все-таки он профессионал в подобных вопросах, но...

Это самое дурацкое «но», из-за которого она, позабыв обо всем на свете, рванулась на встречу с Олегом Гвоздевым, тем самым кредитным экспертом «Прайм-банка». Даша хотела дополнительно внести на депозит миллион. Шестьсот тысяч она взяла в долг у подруги, еще четыреста тысяч позаимствовала из оборотных средств своей собственной турфирмы. В какой-то момент внутренний голос попытался дать ей робкий совет не спешить, но в мозгу Дарьи, словно неоновые фонари, то и дело вспыхивали кадры последнего визита Кирилла, а также порезанные шины ее «Тойоты».

Ей нужна отдельная квартира. Срочно. А для этого требуются деньги. Много, без промедлений, прямо сейчас.

Только этот банк, пожалуй, и мог ей сейчас помочь. Как ни уговаривал ее Артем закрыть вклад и забрать деньги, желание мгновенно обогатиться оказалось сильнее. Она не особенно вникала в то, какие именно операции с вкладами проводил Олег, видела результат, а это было важнее всяких аргументов. Дарья торопливо, почти не глядя, подписала документы, которые предложил ей Гвоздев, и передала ему деньги. Кассира уже не было на месте. Он сам принял у нее миллион и выдал расписку.

Краем подсознания она отдавала себе отчет в том, что все это происходило как-то неестественно, в какой-то лихорадочной спешке, но Олег был настолько убедителен, что Даша, не раздумывая, оставила деньги в банке. В общем-то, как ни крутись, выбора у нее попросту не было. Новый договор был подписан, деньги переданы в банк.

«Ведь никаких проколов с выплатами пока не было, – успокаивала себя Дарья. – Все будет, как прежде, и через пару месяцев я получу хорошую прибыль. Если к той, будущей, сумме добавить еще тысяч пятьсот – а я как-нибудь выкручусь, найду недостающие деньги, – то уже можно будет рассчитывать на двухкомнатную квартиру. А уж мебель и ремонт я организую, используя половину от стоимости нынешнего жилья, на которое так упорно претендует Кирилл, мой ополоумевший бывший супруг».

Дарья вынула из холодильника кастрюлю с пюре и куриными котлетами, положила порцию сыну и едва успела сунуть тарелку в СВЧ, как раздался телефонный звонок. Она склонилась над смартфоном, на экране которого пульсировало: «Артем П. адвокат».

– Лешик, садись, – сказала Дарья сыну, появившемуся на кухне. – Подожди буквально пять минут.

Она взяла смартфон и вышла в коридор.

– Добрый вечер, Даша, – раздался в аппарате голос юриста. – Не помешал?

– Нет, конечно. – Она смущенно кашлянула и сказала: – Я как раз вспоминала тебя.

– Это мне льстит. Как успехи? Ознакомилась с документами, которые я выслал?

– Да, я сегодня утром была в суде. Заявление приняли, правда, о дате рассмотрения сообщат позже.

– По регламенту суд назначает заседание в течение месяца с даты подачи заявления, – сказал Артем. – Так нужно для проверки документации. Конечно, это займет время, но лучше сделать все сейчас, чем ругаться каждый день.

«Я заставляю тебя сожрать эти ножницы», – внезапно вспомнила Дарья угрозу Кирилла, и ее словно обдало колючим холодом.

Время ругани давно прошло.

– Даша?

– Да, – спохватилась она.

– Я тут кое-что узнал о банке, клиентом которого ты являешься, – сказал Павлов. – Его нет в реестре АСВ – Агентства страхования вкладов.

– Правда? И что теперь? – тускло спросила женщина.

– Это значит, что в случае банкротства банка ты можешь лишиться даже суммы, гарантированной при наступлении страхового случая, то есть миллиона четырехсот тысяч, – объяснил адвокат. – Удивительно, что банк, обещающий своим клиентам высокие проценты, не участвует в системе АСВ. Ты ведь, как я понял, хранишь в «Прайм-банке» все свои сбережения, которые намного превышают страховую сумму. Это так?

Дарья почувствовала неприятную сухость во рту.

– Ты прав. Но, Артем, мне кажется, что сейчас рано делать какие-то выводы, – только и смогла проговорить она.

– Есть старая поговорка: «Предупрежден, значит, вооружен», – сказал Артем. – Я очень надеюсь, что перестраховываюсь, но поверь, не стал бы так настойчиво советовать тебе разрывать все контакты с этим банком, если бы тревожные признаки не прослеживались столь явственно. Они буквально торчат наружу, прямо как заячьи уши. Об этом я тебе говорил еще на прошлой встрече.

Она уже открыла рот, чтобы ответить адвокату, как неожиданно в дверях послышалась какая-то возня.

Дарья вздрогнула и обернулась.

– Привет, детка, – раздался до боли знакомый голос.

– Я перезвоню, – выдавила она и прекратила разговор.

С упавшим сердцем Дарья смотрела, как в квартиру вальяжно заходит Кирилл.

Он придержал дверь, посторонился и пропустил в жилище еще двух каких-то мужчин.

– Мама, кто там пришел? – спросил из кухни Леша.

– Сынок, я сейчас, – отрывисто произнесла она, с нарастающим гневом глядя на незваных гостей.

– Чего не здороваешься? – осведомился Кирилл и глумливо подмигнул ей.

В отличие от нее он находился в благодушном расположении духа, словно и не было той потасовки, когда Дарья держала у его шеи ножницы.

Она подошла к ним вплотную, окинула неприязненным взглядом. Парочку спутников Кирилла Дарья видела впервые. Оба небритые, в неряшливой одежде и запыленной обуви. У каждого за спиной по увесистому рюкзаку. От поздних визитеров исходил стойкий запах пота и давно не стиранного белья.

– Убирайся, – прошипела Дарья. – Немедленно иди вон, или я вызову полицию!

На лице Кирилла заиграла презрительная ухмылка. Он словно ждал этих слов.

– Вызывай, – с легкостью согласился отставной супруг. – Я нахожусь у себя дома, детка. Половина квартиры моя, и я хочу культурно отдохнуть с друзьями. Правда, ребята? Кстати, познакомься. Это Миша, а это Рома. Работают грузчиками. Сейчас у них небольшой отпуск.

Один из незнакомцев раздвинул рот в глупой улыбке, и Дарья с брезгливостью отметила его испорченные зубы, которые, судя по всему, с детства не видели дантиста.

– Порезанные колеса на машине – твоя работа? – едва сдерживаясь, спросила она.

Кирилл изобразил удивление.

– Ты о чем? – осведомился он, начиная снимать ботинки.

Его примеру тут же последовали гости, и к неприятному запаху тут же добавился тончайший аромат грязных носков.

– Какие колеса, солнце мое?

– Понятно, – процедила Дарья. – У тебя даже не хватает совести признать, что ты изрезал шины. Хорош герой. Спасибо, что под дверью не нагадил.

– Пропусти нас в комнату, – спокойно сказал Кирилл.

Он улыбался, но в глазах его искрилась неприкрытая злоба.

– Можешь звонить кому хочешь – в ментовку, в ФСБ, хоть президенту. Я у себя дома.

В коридоре показался Леша.

– Привет, сынок, – сказал Кирилл. – Что стоишь? Не хочешь поздороваться?

Мальчик покачал головой, исподлобья разглядывая папу.

– Ну, как угодно. – Кирилл развел руками, положил на деревянную подставку для обуви какой-то леденец с наполовину содранной оберткой и сказал: – Это тебе.

Паренек даже не глянул в сторону конфеты. Он подошел к матери и прижался к ней, продолжая враждебно смотреть на непрошенных гостей.

– Мы сначала посидим на кухне, а потом расположимся в комнате, – объявил Кирилл. – Ты ведь не против? Все по закону, детка.

Дарья была настолько потрясена, что не нашлась с ответом. Ее так и подмывало вцепиться в лицо Кириллу, этому мерзко ухмыляющемуся скоту, ухватить его за волосы, выволочь из квартиры и захлопнуть за ним дверь. Но вместе с тем женщина понимала, что сейчас, пока их проблему не разрешит суд, Кирилл имеет точно такие же права на эту несчастную двушку, как и она.

Между тем Кирилл махнул рукой своим приятелям, уже начинающим осваиваться в квартире, и все трое прошествовали на кухню. Послышалось звяканье бутылок и смех.

– Они теперь у нас будут жить? – тихо спросил сын у матери, которая стояла в полнейшем оцепенении.

– Нет, конечно, – выдавила из себя Дарья и погладила мальчика по густым волосам.

Руки женщины дрожали, и она прилагала громадные усилия, чтобы Леша не увидел ее смятения.

– Я сейчас позвоню. Иди к себе.

Мальчик прошмыгнул в комнату, а Дарья схватила телефон. Подсознательно она понимала, что звонить в полицию, скорее всего, бессмысленно, но просто так сидеть и наблюдать, как в ее доме хозяйничают посторонние люди, не могла и не хотела.

Женщина набрала 112, услышала голос дежурного и как можно убедительнее обрисовала ему ситуацию.

– Ну и что вы от меня хотите? – устало поинтересовался полицейский. – Вас избивают? Насилуют?

– Нет. Но когда это произойдет, будет поздно!

Дежурный вздохнул и проговорил:

– Уважаемая, у нас за сутки одно убийство, два разбоя и два угона. Вашего участкового сейчас нет, он на выезде. Зайдите завтра в отделение. Когда напишете заявление по форме, тогда мы и будем проводить проверку.

Разговор оборвался, и Дарья мысленно выругалась.

Что делать? Устраивать скандал? В принципе можно, только вот перевес сейчас явно на стороне Кирилла. В ходе конфликта он с приятелями может ее избить, а то и изнасиловать. Она лучше отрубит себе руку, нежели позволит Лешке созерцать гнусные сцены семейных разборок. Он и так уже навидался гадостей, которые предшествовали не самому простому разводу.

Женщина глубоко вздохнула.

«Успокойся и поезжай к матери, – посоветовал ей внутренний голос. – Сейчас ты все равно ничего не сделаешь».

После недолгих размышлений она поняла, что это будет наилучшим вариантом. О том, чтобы провести ночь в компании этого сброда, не могло быть и речи.

Лешка все быстро понял и через пять минут был готов. Дарья с грустью смотрела на сына. Конечно, для него это что-то вроде неожиданного приключения. Вот только что будет дальше?!

Она уже открыла дверь, как из кухни появился Кирилл. Глаза мужчины поблескивали, припухшее лицо покраснело. Дарья поняла, что тот уже основательно принял на грудь.

– Заявление о разделе квартиры уже в суде, – сухо промолвила она. – Так что скоро все закончится.

– Всенепременно, – сказал Кирилл. – Мне по хрену твой суд. Он может тянуться годами, врубаешься? Ты ничего не сделаешь, если я буду все спускать на тормозах. С этого дня я включаю счетчик. Мне нужны бабки. Теперь мне нужно восемь лямов. У тебя еще осталась неделя.

– Ты бездушная мразь, – холодно произнесла Дарья.

– Ты тоже далеко не ангел. Называй меня так, как хочешь. Хоть горшком. Только заплати за долю, а потом катись на все четыре стороны. – Кирилл посмотрел на мальчика. – Пока, сынок! Заботься о маме.

Дарья подхватила сумку с вещами, взяла Лешку за руку, и они молча вышли на улицу.

– Мама, ты что? – спросил паренек, пристально вглядываясь в ее побледневшее лицо.

– Ничего, сынок. Все у нас с тобой будет хорошо, – проговорила она, но голос ее предательски дрогнул.

– Не плачь. Пожалуйста!

– Я не плачу, – ответила Дарья, но в глазах ее блеснули слезы.

Лишь поздно ночью она вспомнила, что так и не перезвонила Артему.

Недобрый знак

В полдень следующего дня в коттеджный поселок, расположенный в Истринском районе, неторопливо вкатил белоснежный «Хаммер».

Джафар Закирович Абиев, владелец подмосковного рынка стройматериалов, выбрался из машины и несколько секунд просто стоял, прикрыв глаза и глубоко дыша полной грудью. Раздражающая липкая духота, горячим маревом накрывшая город, в этих местах не ощущалась вовсе. Легкой прохладой веяло от студенной реки, протекающей рядом. Здешний воздух был наполнен запахами свежескошенной травы, лесной хвои и, конечно же, едва уловимым, бесподобным ароматом шашлыка, жарящегося где-то неподалеку.

Все было бы хорошо, если не считать небольшой заминки с деньгами, которые ему вот уже неделю кряду сулил Банкир. Обещания обещаниями, а воз, как говорят русские, и ныне там.

Джафар посмотрел на свой дом, высившийся вдали массивной громадой. Он сам контролировал стройку этого трехэтажного красавца из керамического кирпича белого цвета. Джафар терпеть не мог темные тона.

Он специально потребовал у водителя высадить его здесь, в сотне метров от жилища. Коммерсант не желал, чтобы этот разговор слышали дети, а тем более Самира, красивая молодая жена, находящаяся на восьмом месяце беременности.

– Олега! – проговорил он, когда услышал голос Банкира. – Привет, дорогой.

– И тебе добрый день, Джафар, – осторожно проговорил тот.

– Ты меня обижаешь, дорогой. Я всегда считал тебя серьезным человеком, с которым можно иметь дело. Сегодня какое число, ты не забыл?

– Конечно, не забыл. Двадцатое июня.

– А ты помнишь, что обещал мне на прошлой неделе?

– На память не жалуюсь, Джафар.

С толстых губ азербайджанца сорвался вздох. Голос Олега звучал размеренно и спокойно, словно он давно подготовился к неприятному разговору. Это начинало понемногу выводить азербайджанца из себя.

– Мы давно знаем друг друга, – терпеливо произнес Джафар. – Я всегда уважал тебя за твой ум и умение решать проблемы, которые под силу только тебе. Я гордился тем, что мы работаем в одной связке, бок о бок. А сейчас что я вижу? Давай к делу, Банкир. Мне нужны деньги. Срочно, вот прямо сейчас. В крайнем случае – завтра рано утром.

– Джафар, я делаю все возможное, – отозвался Банкир. – Но сегодня никак. Боюсь, что завтра тоже вряд ли смогу. Я ведь объяснял тебе ситуацию. От меня мало чего зависит.

Абиев вынул из кармана скомканный платок и вытер взмокшую шею. В моменты волнения и недовольства он всегда начинал обильно потеть, даже если вокруг было прохладно.

– Банкир, я тебе доверился, согласился стать учредителем банка, принял участие в создании филиала. Почти все мои деньги у тебя, брат. Ты сказал, что часть средств можно перевести в какой-то там инвестиционный фонд. Я снова тебе поверил, даже не смотрел в те бумажки, которые ты мне подсовывал. Я несколько не сомневался в том, что ты не подведешь. Да, сначала ты всех радовал хорошей прибылью. Уж не знаю, какие дела ты проворачивал с нашими деньгами, но результат был налицо. Но потом вдруг стало очень грустно. Что в итоге?! Сегодня утром мне позарез были нужны деньги. Я пытался с тобой связаться, в ответ тишина, как в гробу. Мне пришел товар, за него нужно платить. Мои парни должны получать зарплату, чтобы кормить свои семьи. Да и у меня скоро будет прибавление. А ты только сейчас стал доступен. Ты меня слышишь, Банкир? Нехорошо себя ведешь, дорогой!

– Джафар, неужели ты считаешь, что я хочу вас оболванить? – усталым голосом спросил Банкир. – Ты меня давно знаешь. Ну да, возникли временные трудности, я решу все в ближайшие дни. Обещаю!

– За временные трудности, дорогой, ты получаешь премии, – напомнил Джафар, и его круглое рыхлое лицо вместо загорелого стало пунцовым. – И заметь, своевременно.

Банкир издал нервный смешок и проговорил:

– Потому что никто другой не станет проводить левые схемы с вашими деньгами, Джафар. Когда на одной чаше весов мешок денег, а на другой – решетка и нары с клопами, мало кто согласится рисковать свободой. Не обижайся, но ты сам прекрасно понимаешь, что я прав.

Джафар заскрипел зубами. Мало кто позволял себе разговаривать с ним в подобном тоне.

Он уже был готов взорваться, отбросить в сторону показное приличие, но Банкир словно предчувствовал это и заявил:

– Но я уважаю тебя. Поэтому поделюсь одной новостью, хотя меня просили не раскрывать эти сведения. Сам понимаешь, банковская тайна и все такое прочее.

– Ну?.. – процедил Джафар.

Он не мог не отметить, что словосочетание «банковская тайна» было произнесено с легким сарказмом, и это еще больше взбесило его.

– Сергей Черемесов, твой приятель, забрал у меня свой вклад. Я к этому был не готов, потому что планировал перевести тебе часть суммы, как и обещал, – проговорил Банкир. – Это произошло в начале прошлой недели. От него пришел запрос, он намекнул, что у него планируется какая-то крупная сделка по ценным бумагам.

– Серега? – спросил Джафар, растерянно моргнув. – Зачем он закрыл вклад? Мы ведь буквально на днях встречались.

– Мотивация клиента не входит в спектр моих обязанностей, – ответил Банкир.

Судя по тону его голоса, ему не терпелось побыстрее закончить этот неприятный и затянувшийся разговор.

– Спроси у него сам.

– Что?! Почему из-за прихоти одного дурака геморрой возникает у другого человека, вполне нормального? – задыхаясь от негодования, выкрикнул Джафар.

– Не знаю, Джафар. Извини, что подвел тебя. Деньги будут, просто немного потерпи.

Азербайджанец закрутил головой и заявил:

– Ни хрена, Банкир. Никаких «потерпи». Я тебя предупреждаю...

Договорить он не успел, услышал отрывистую фразу Олега:

– Извини, ко мне люди.

На этом разговор оборвался.

Джафар недоверчиво отстранил от уха руку с телефоном. Он разглядывал его с такой всепоглощающей ненавистью, словно эта прямоугольная штукавина, нашпигованная электроникой, была виновницей всех его бед. Если бы взгляд мог жечь, то смартфон наверняка превратился в спекшийся комок дымящегося пластика.

– Шакал вонючий! – хрипло выругался он. – Задушу!

Грузный азербайджанец был окончательно сбит с толку, испытывал гамму самых разнообразных чувств – от растерянной беспомощности до ярости, выжигающей нутро.

– Ну, Сережа! – прошипел он, тыкая толстым, как сарделька, пальцем в запотевший экран смартфона. – Если это правда!..

Ноги понесли его в сторону дома. Смысла в конфиденциальных разговорах уже не было – настолько зол был Джафар.

– Алло! Сережа? Узнал? – крикнул он, как только в трубке послышался знакомый голос партнера. – Мне тут интересные вещи рассказал один наш общий друг. Да-да, Банкир! Ты

почему не предупредил, когда решил такие вещи с деньгами сделать?! Ты... – Внезапно Джафар умолк, опустил руку с телефоном.

Взгляд налитых кровью глаз был устремлен на стальные двухметровые ворота его домовладения, на матово-черной поверхности которых громадными красными буквами было аккуратно выведено: «Сдохни».

Он, как в тумане, шагнул ближе, протянул руку и коснулся первой буквы. Ноготь сорвал шершавую корочку краски, и подушечка пальца окунулась в еще не застывшую липкую массу ярко-алого цвета.

Новые тревоги

Николай Коршунов вышел из ванной, запахнулся в банный халат. Ненавистный инцидент на дороге, после которого ему пришлось блуждать по лесу в чем мать родила, приключился с ним уже три дня назад, однако он при каждой выдавшейся возможности принимал душ. Николаю до сих пор чудилось, что он перепачкан землей вперемешку с сосновыми иглами, а в его босые ноги въелась чернота, которую он остервенело, чуть ли не до крови, стесал специальной теркой, одолженной у супруги.

Лицо вице-президента боксерской ассоциации выглядело непроницаемым. Угадать его соображения было так же сложно, как прочесть мысли мухи, жужжащей под потолком, которая каким-то чудом проникла в его питерскую квартиру, на окнах которой стояли москитные сетки.

– Я на боксе побывал, – пробормотал он слова недавно услышанной частушки. – Повстречал Валуева. – Николай уселся в кресло, закинул ногу на ногу и взял в руки блокнот. – Он автограф левой дал... Долетел до Зуева.

Он перелистывал страницы и остановился на закладке. Это был замусоленный, потертый на сгибах листок, который Коршунов обнаружил на рассвете там, в лесу Тверской области.

«Убийца».

С того дня не проходило и часа, чтобы он не думал об этом напоминании. Николай каждый раз вздрагивал от резкого звука автомобильного клаксона на улице и даже от трели собственного мобильного.

– Что мы имеем? – вслух спросил Коршунов. – Мы имеем трех жмуrow в период с девяносто шестого по две тысячи первый год. – Он потянулся за механическим карандашом, с помощью кнопки выдвинул тоненький грифель и поставил в блокноте цифру 1. – Итак, первый.

Николай наморщил лоб, погрузился в воспоминания. Да, это был один коммерс, отказывающийся платить за крышу. Коршунов выждал момент, когда тот отправил семью на отдых, и пришел к нему ночью домой. Бедолага даже не въехал, что происходит, когда Николай придавил его лицо подушкой.

– Номер два, – объявил он вслух, сделав отметку в блокноте.

Второе убийство было совершенно случайным. В тот день Николай повздорил в кафе с каким-то кавказцем, но конфликт быстро удалось замять. Уже много позже, на стоянке, тот снова полез выяснять отношения, и в какой-то момент Коршунову показалось, что в руке этого типа блеснул нож. Не раздумывая, он выхватил из-за пояса ствол – газовый «Иж», собственноручно переделанный под боевой, – и изрешетил противника, как снайпер мишень в тире. Лишь через какое-то время всплыла информация о том, что убитый оказался уроженцем Грозного, довольно известным певцом или музыкантом, хрен его разберет. Но и тогда Николаю удалось выйти сухим из воды.

Был и свидетель убийства – Гена Назаров. Тот самый, которого потом отправил в мир иной сам Николай. Его попросил убрать Джафар. По мнению Николая, этот субъект не представлял никакой опасности для их бизнеса и к тому времени лежал в реанимации, однако азербайджанец настоял на своем. Кроме того, Коршунов неплохо заработал, хотя всего-то требовалось отключить клиента от аппарата ИВЛ.

Именно Назаров и замыкал список.

Николай потер подбородок и задумался.

Кого же именно имел в виду неизвестный мститель, провернувший эту дерзкую акцию с ним?

В первом случае свидетелей не было вообще, во втором – Назаров, который давно в могиле. Об убийстве Назарова знали только трое – он, Джафар и Сергей Черемесов.

Николай бросил блокнот на столик, откинулся на спинку кресла.

Пазл не складывался.

Его машину нашли неподалеку от той самой автозаправки, куда он намеревался заехать. Все личные вещи, включая документы и бумажник с банковскими картами, были на месте. Кроме легкого сотрясения мозга, явившегося следствием удара по голове, он особенно-то и не пострадал. Хотя нет, еще минус перстень. Николаю пришлось расплатиться им с водителем за дорогу, звонок домой и спортивный костюм, купленный на придорожном рынке.

Так все-таки кто, за кого впрягся?!

К примеру, в случае с Назаровым все было настолько гладко, что едва ли ниточки тянутся оттуда. Тем более что прошло двадцать лет. Если только Джафар с Серегой не сболтнули лишнего.

Тогда получается, что это ответка за кавказца. Но почему это происходит сейчас, спустя почти двадцать лет?!

– Может, и за кавказца, – сказал Коршунов, поднимаясь с кресла. – А может, ничего и не было. Этим листком вообще, наверное, подтереться хотели, а я случайно на него наткнулся.

«Ты сам понимаешь, что изо всех сил пытаешься себя убедить в совпадении», – подумал он и глубоко вздохнул.

Ладно, хватит выносить себе мозг. Что Николай сейчас может сделать? Нанять охрану себе, жене и сыну? Обмотать дом колючей проволокой?

От того, что он будет часами рисовать схемы и вспоминать свои подвиги, совершенные в прошлом, вряд ли что-то изменится. Номер машины, которая с ним столкнулась, Николай не разглядел, особых примет хриплого незнакомца не запомнил – тот был в маске. Остается только ждать. Потому что тот субъект, который поставил себе цель наказать его, Колю Коршунова, наверняка предпримет следующие шаги.

Пора заниматься делами. Послезавтра важный бой. Приглашены VIP-гости, уже арендовано помещение, готовятся высокие ставки, так что все должно быть на высшем уровне. Следует уточнить насчет вечернего фуршета, заодно переговорить с представителями букмекерских контор.

Николай уже намеревался скинуть халат, чтобы одеться, как на столике, вибрируя и издавая звонкие гудки, запрыгал телефон.

Звонила жена. Когда Коршунов услышал ее голос, лицо его окаменело.

Она рыдала, захлебывалась слезами.

Отвратительный десерт

Джафар словно врос в нагретый за день гравий, которым были засыпаны подъездные дорожки к участкам. Он, не отрываясь, таращился на жутковатую надпись, намалеванную на воротах его собственного дома. Она притягивала взгляд как магнит.

«Сдохни. Сдохни!» – нервно пульсировало в мозгу.

Азербайджанец зажмурился. Ему казалось, что сейчас он откроет глаза, и ярко-красные буквы испарятся, как дым, развеянный ветром.

Недвусмысленное пожелание отправиться в мир иной гипнотизировало его. Так фары приближающегося грузовика действуют на суслика, насмерть перепуганного, застывшего посреди дороги.

«Как будто кровью написано», – подумал Джафар, судорожным движением смахивая со лба пот.

Он протянул руку, толкнул ворота, и створка медленно распахнулась. Перед ним открылась аккуратная дорожка из мраморной плитки, ведущая к крыльцу.

Джафар побледнел, почувствовал, как внутри все скручивается в мертвый узел.

Кто-то проник в дом? Или это Самира забыла закрыть ворота?!

Он уже готов был ринуться в дом, но тут же осекся.

«А если их там несколько? И они вооружены?» – подумал Джафар, охваченный паникой.

Он размышлял буквально секунду и решил, что куда-то звонить, собирать земляков, чтобы зайти в дом, не имело смысла. На это попросту не было времени. Тем более если посторонних в доме нет. Ведь его потом только засмеют. Мол, какая-то шпана решила развлечься, а Джафар в штаны от страха наложил!

Он поднялся на крыльцо и осторожно потянул на себя дверь. Она, как и ворота, оказалась незапертой.

– Самира? – громко позвал Джафар, заходя внутрь. – Самира, ты где?! – Он цепко оглядел громадный холл, подсвечиваемый голубовато-бархатистым сиянием бра, укрепленных на стенах.

Тихонько мурлыча, из кухни выскользнула белоснежная кошка, подошла к хозяину и принялась тереться о его ногу, но тот нетерпеливо отпихнул ее в сторону. Кошка недовольно фыркнула и принялась старательно вылизывать лапу.

Джафар едва ли не бегом взлетел на второй этаж, где располагалась спальня и детские комнаты. Дыхание его сбилось. Частый стук сердца отдавался в черепной коробке оглушительным грохотом.

– Самира! – в отчаянии крикнул он, открыл дверь спальни и замер.

Сердце его совершило последнее сальто и ухнуло куда-то вниз.

Жена приподнялась на постели, смотрела на него полусонными глазами и улыбалась.

– Привет, любимый, – вполголоса сказала она. – Ты что раскричался? Зару разбудишь. – Женщина зевнула и заботливо поправила одеяло на трехлетней дочке, мерно посапывающей рядом.

Джафар ухватился пальцами за дверной косяк. Он ощущал странную слабость в ногах.

– Я... ворота были открыты, – отдышавшись, произнес он.

Страх за близких еще не ушел, но азербайджанец все равно испытывал громадное облегчение. Он убедился в том, что жена и дочка в полном порядке.

– Где наши мальчишки?

– У твоей сестры, – немного удивленно ответила Самира. – Ты же сам вчера отвез их.

– И дверь в дом открыта! Кто-то приходил?

Женщина покачала головой и осторожно, чтобы не разбудить ребенка, спустилась с кровати.

– Я Лейлу отпустила, – вспомнила она, поправила волосы и поцеловала супруга, который медленно приходил в себя. – Она убралась, приготовила плов, а потом отпросилась. У нее сын заболел. Может, забыла закрыть?

– Ладно, разберемся, – бросил Джафар.

В постели зашевелилась дочка, приоткрыла глаза.

«Надо смыть краску, – с досадой вспомнил азербайджанец. – Раз прислуги нет, этим придется заниматься мне самому. И как можно скорее».

– Папа, привет, – пропищала Зара, проворно соскочила с постели и кинулась на руки к отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.